

АЛИСИЯ РОУДЕН

ПОСЛЕДНЯЯ СТАНЦИЯ — МОРЕ

ИНОГДА
НУЖНО УЕХАТЬ
ОЧЕНЬ ДАЛЕКО,
ЧТОБЫ НАЙТИ
СЕБЯ

А. Роуден

Последняя станция — море

«Автор»

2026

Роуден А.

Последняя станция — море / А. Роуден — «Автор», 2026

2049 год. Мир пережил климатическую катастрофу, и миллионы людей живут в больших закрытых городах. Перемещения между регионами контролируются, старые железнодорожные линии разобраны, а побережье официально объявлено непригодным для жизни. Двадцатисемилетняя Вера Соколова работает инженером транспортной системы. Она привыкла доверять документам, схемам и точным расчётам. До тех пор, пока однажды не получает письмо от отца, пропавшего семнадцать лет назад. Внутри лежит старый бумажный билет. Вера пытается выяснить, кто отправил билет, и обнаруживает заброшенную платформу за пределами городской транспортной сети. Там её ждёт поезд, которого не должно существовать. В вагоне уже находятся несколько пассажиров: человек, утверждающий, что никогда не покидал родной город, девушка с картой неизвестного побережья и проводник, который отказывается называть конечную остановку. У каждого своя причина отправиться в путь. И каждый что-то скрывает.

© Роуден А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Билет в никуда	5
Глава вторая. Линия, которой нет	23
Глава третья. Пассажир без места	57
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Последняя станция — море

Глава первая. Билет в никуда

В 23:17 Вера Соколова обнаружила на своём рабочем столе конверт.

Она заметила его не сразу. Сначала закончила проверять расчёты по третьему транспортному кольцу, исправила ошибку в таблице пропускной способности и отправила начальнику смены отчёт, который тот, скорее всего, не откроет до утра. Потом потянулась за кружкой, обнаружила на дне засохший чайный пакетик, поморщилась и только тогда увидела белый прямоугольник возле клавиатуры.

Конверт лежал точно посередине стола.

Не справа, где Вера обычно оставляла документы на подпись. Не слева, где скапливались распечатки, которые она собиралась прочесть, но никогда не читала. Посередине — на свободном участке серого пластика, который она каждый вечер протирала спиртовой салфеткой.

На конверте было написано её имя.

Вере Андреевне Соколовой. Лично в руки.

Почерк она узнала раньше, чем успела подумать, что узнавать его неоткуда.

Вера отодвинула кресло.

За стеклянной стеной кабинета дежурного инженера мигали экраны. На одном двигались зелёные точки поездов, на другом медленно перестраивалась схема воздушных коридоров, по которым городские грузовые дроны доставляли продукты в жилые сектора. В коридоре кто-то кашлянул, зашуршала бумага, потом снова стало тихо.

Обычная ночь.

До конца смены оставалось сорок три минуты.

Вера ещё раз посмотрела на конверт.

Её отец пропал семнадцать лет назад.

Именно пропал — не умер, не погиб, не был официально признан без вести отсутствующим. В документах значилось: «Местонахождение не установлено. Поиски прекращены в связи с отсутствием оснований для продолжения оперативных мероприятий».

Вера помнила эту формулировку наизусть. Она прочла её столько раз, что однажды поймала себя на странной мысли: если достаточно долго повторять слова «отсутствие оснований», можно убедить себя, что человека действительно не было.

На конверте стояла дата.

14 октября 2049 года.

Сегодня.

Вера посмотрела на часы в правом углу монитора: 23:18.

— Ну конечно, — сказала она вслух.

Голос прозвучал грубее, чем ей хотелось. Она откашлялась, сняла перчатки и положила их рядом с клавиатурой.

Вечером в административном блоке работали шесть человек. Вера, двое диспетчеров, дежурный электрик, охранник на входе и начальник смены Громов, который ушёл домой в девять, предварительно оставив Вере три задачи, две из которых не имели отношения к её должности.

Никто не мог незаметно положить конверт на стол.

Видеонаблюдение охватывало весь этаж, включая рабочие места. Исключение составляли санитарные комнаты и небольшая комната отдыха. Но в комнату отдыха вела другая дверь, и между ней и кабинетом было тридцать метров коридора, два считывателя пропусков и стеклянная перегородка.

Вера открыла журнал доступа.

Последний вход в кабинет зарегистрировали в 21:06 — она сама вернулась из архивного помещения с папкой технической документации. После этого дверь никто не открывал.

Она проверила журнал ещё раз.

Затем переключилась на камеры.

На записи в 21:06 она вошла в кабинет, поставила папку на стол и сняла куртку. В 21:11 поднялась за кофе. В 21:19 вернулась, села и начала работать. В 22:04 в коридоре появился электрик, но к её двери не подошёл. В 22:36 Вера выходила в туалет.

В 23:17 она сидела за столом и смотрела в монитор.

На записи не было конверта.

Вера прокрутила последние пять минут.

Вот она наклоняется к экрану. Вот трёт переносицу. Вот берёт кружку. Вот замечает что-то перед собой и замирает.

Конверт лежал на столе.

Вера откинулась на спинку кресла.

— Очень смешно.

Она посмотрела на камеру под потолком.

Красный индикатор горел ровно.

— Лев, если это ты, то у тебя отвратительное чувство юмора.

Лев Мельников работал на соседнем этаже в отделе системной диагностики. Он был единственным человеком в здании, который мог позволить себе подменять журналы событий ради проверки уязвимостей, а потом сообщать о результатах так, словно спас город от неминуемой катастрофы.

Вера набрала его номер.

Длинные гудки сменились голосом автоответчика.

— Абонент временно недоступен.

Она посмотрела на экран телефона. Связь была стабильной, сеть работала. Лев мог просто не брать трубку.

Вера набрала сообщение:

Если ты оставил у меня на столе конверт, сейчас же признайся. Я не в настроении.

Ответа не было.

Она убрала телефон и снова посмотрела на конверт.

Бумага была плотной, слегка желтоватой. Не из офисного принтера — такие конверты давно вышли из употребления, потому что в них не помещались современные документы. Клапан был заклеен обычным клеем. Ни штрихкода, ни служебной маркировки, ни печати.

Только её имя и дата.

Вера провела пальцем по краю.

Ей вдруг захотелось не открывать его. Оставить до утра, вызвать охрану, оформить инцидент, запросить проверку камер. Всё сделать по инструкции, как она делала каждый раз, когда что-то не укладывалось в систему.

Но под именем стояла ещё одна строчка, написанная мелким почерком.

Если ты всё ещё помнишь море, не опаздывай.

Вера перестала дышать.

Море.

В её детстве это слово не означало ни отпуск, ни фотографии на фоне волн, ни запах соли на коже. Оно означало отца.

Андрей Соколов работал инженером на старой железной дороге, ещё до того, как её окончательно закрыли. Он занимался восстановлением участков, которые после климатических сдвигов и затоплений стали непригодны для движения. Последние два года перед исчезнове-

нием его переводили из одного исследовательского проекта в другой. Он возвращался домой поздно, иногда не приходил несколько суток, а на вопросы отвечал коротко: «Работа».

Вера тогда была десяти лет и считала, что взрослые говорят «работа», когда не хотят объяснять детям ничего важного.

Однажды отец принёс домой маленькую стеклянную банку. В ней лежал серый песок, несколько ракушек и кусочек зелёного стекла, отполированный водой до гладкости.

— Что это? — спросила Вера.

— Море.

Она покрутила банку в руках.

— Оно же не такое.

— А какое?

— Синее. Большое. Шумит.

— Это тоже море. Просто оно давно здесь не было.

Она решила, что он шутит. Отец часто шутил странно, так, что взрослые улыбались из вежливости, а Вера потом долго пыталась понять, где именно была шутка.

Той ночью она спрятала банку под кроватью. Через неделю отец исчез.

Банка осталась.

До двадцати семи лет Вера не вспоминала о ней ни разу. Потом, разбирая квартиру матери после её смерти, нашла банку в коробке со школьными тетрадями. Песок превратился в серую пыль, стекло треснуло, а ракушки рассыпались от одного прикосновения.

Она выбросила всё в мусоропровод.

Теперь, глядя на конверт, Вера поняла, что помнит море.

Не то, которое было на картинках в учебниках. Не лазурное, не тёплое, не бесконечное.

То, которое отец принёс в банке.

И она не могла понять, почему от этой мысли ей стало страшнее, чем от самого письма.

Вера достала из ящика канцелярский нож и аккуратно вскрыла конверт.

Внутри лежал билет.

Настоящий бумажный билет — тонкий, чуть шероховатый, с неровно обрезанными краями. На нём была напечатана старая железнодорожная эмблема: круг с тремя линиями, уходящими к горизонту. Вера видела её раньше, но не могла вспомнить где.

Вверху стояло:

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СЛУЖБА СООБЩЕНИЯ.

Ниже:

Маршрут: Линия № 0.

Отправление: 14 октября 2049 года, 23:40.

Пункт назначения: МОРЕ.

Вера перевернула билет.

На обратной стороне было написано:

Не выходи на первой остановке.

Она перечитала текст трижды.

Потом проверила дату ещё раз.

Сегодня. Через двадцать две минуты.

— Нет, — сказала она.

Слово прозвучало тихо, но отчётливо.

Вера положила билет на стол и открыла внутреннюю базу транспортных маршрутов. Система запросила подтверждение доступа. Она приложила браслет к считывателю, ввела пароль и дождалась загрузки.

Линия № 0 отсутствовала.

Она проверила архивные маршруты, действующие и закрытые. Просмотрела списки железнодорожных линий, законсервированных после наводнения 2037 года. Нашла несколько нулевых обозначений в технических документах, но все они относились к внутренним кодам участков, а не к пассажирским маршрутам.

Станции «Море» не было.

Не было такой станции и в старых картах, доступных в архиве.

Вера переключилась на географическую базу.

Слово «море» встречалось в названиях трёх исследовательских объектов, двух складских комплексов и одного закрытого полигона на севере. Ни один не был связан с железной дорогой.

Она открыла карту страны, увеличила масштаб и провела пальцем вдоль бывших путей, уходящих к побережью.

Почти все линии заканчивались за сотни километров от воды.

Официально побережье было закрыто в 2038 году после серии штормов, которые разрушили защитные дамбы и затопили несколько прибрежных городов. Потом последовали новые ограничения, переселение, запрет на несанкционированные поездки. Со временем слово «море» исчезло из повседневной речи. Его заменили формулировками вроде «прибрежная зона», «водная граница», «территория климатического риска».

Вера однажды видела море на архивной видеозаписи. Оно было таким огромным, что не помещалось в кадр, а горизонт казался неровной линией, проведённой рукой человека, который не умел рисовать.

Она помнила, как долго смотрела на экран.

И как потом ей снилось, что она стоит на берегу, а вода отступает всё дальше и дальше, обнажая рельсы, уходящие в темноту.

Вера закрыла карту.

На столе лежал билет.

Она взяла его и поднесла к свету.

Бумага была старой, но не хрупкой. На стиге виднелся след от пальца, будто кто-то долго держал билет в руке. На краю стоял номер:

000014.

Вера почувствовала, как холодеют пальцы.

Четырнадцать.

Номер её квартиры в доме, где она выросла.

Номер кабинета, в котором хранились старые схемы железнодорожных узлов.

Номер, который отец когда-то написал на внутренней стороне банки с песком, чтобы Вера не перепутала её с другими.

Она не помнила, почему.

Вера резко встала, и кресло откатилось к перегородке.

В этот момент дверь кабинета открылась.

— Ты чего вскочила? — спросил электрик.

Это был Семён Ильич, невысокий мужчина лет шестидесяти, с седыми усами и вечным запахом машинного масла. Он работал в здании с тех пор, как его построили, и утверждал, что знает каждую трубу лучше, чем собственную квартиру.

Вера быстро накрыла билет ладонью.

— Ничего. Проверяю документы.

Семён Ильич прищурился.

— Ты белая как стена.

— Свет плохой.

— Свет у нас как раз отличный. В коридоре лампы новые поставили, а в кабинете ты опять половину выключила.

Он вошёл, поставил на край стола маленький термос и посмотрел на монитор.

— Что ищешь?

— Старые железнодорожные маршруты.

— На ночь глядя?

— Работа такая.

— Работа у тебя такая, что ты скоро сама станешь частью этого здания.

Он говорил привычные вещи, но взгляд его задержался на руке Веры. Она поняла, что он заметил, как крепко она прижимает что-то к столу.

— Что там у тебя?

— Билет.

— Куда?

Вера помедлила.

— На море.

Семён Ильич перестал улыбаться.

Он посмотрел на неё так, будто она произнесла не слово, а пароль.

— Покажи.

— Вы знаете, что это?

— Не знаю. Покажи.

Вера медленно убрала ладонь.

Семён Ильич наклонился над билетом. Его лицо стало серьёзным. Он не коснулся бумаги, только провёл пальцем над ней, будто боялся обжечься.

— Откуда?

— На столе лежал.

— Кто принёс?

— Не знаю.

Он выпрямился.

— Выброси.

Вера не сразу поняла, что слышала.

— Что?

— Выброси. Сейчас же.

— Почему?

— Потому что я тебе говорю.

— Вы даже не объяснили, что это.

Семён Ильич посмотрел на дверь, потом на потолок, где под защитной решёткой висела камера.

— У тебя есть доступ к старым схемам?

— Есть.

— К самым старым?

— Если они не засекречены.

Он задумался, сжал губы и потёр большим пальцем костяшку указательного. Вера знала этот жест. Так он делал, когда пытался вспомнить номер детали или когда не хотел говорить то, что знал.

— Семён Ильич, вы видели такой билет раньше?

Он долго молчал.

— Один раз.

— Когда?

— Давно.

— Где?

— На станции.

— Какой?

Он покачал головой.

— Нет такой станции.

Вера почувствовала, что разговор зашёл в тупик, но не могла остановиться.

— Тогда почему вы узнали билет?

Семён Ильич вздохнул.

— Потому что однажды такой же держал твой отец.

В кабинете стало тихо.

Даже вентилятор над серверным шкафом, казалось, загудел тише.

— Вы знали моего отца?

— Я знал много людей, которые работали на железной дороге.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

— Что с ним произошло?

Семён Ильич отвёл взгляд.

— Он ушёл.

— Куда?

— Не знаю.

— Вы врёте.

— Возможно.

Он сказал это без вызова, почти устало.

Вера смотрела на него, пытаясь понять, сколько лет он носил в себе эту тайну и почему решил заговорить именно сейчас.

— Что значит «ушёл»?

— То и значит. Пришёл однажды вечером, положил на стол такой билет и спросил, работает ли ещё старая линия.

— И что вы ответили?

— Что её закрыли.

— А он?

Семён Ильич посмотрел на билет.

— Он сказал, что тогда придётся идти пешком.

Вера почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Когда это было?

— В октябре.

— Какого года?

— Не помню.

— Семён Ильич.

— Вера, я не помню. И если бы помнил, всё равно не стал бы рассказывать тебе в этом кабинете.

Он забрал термос со стола.

— Выброси билет. И домой езжай через центральный вход. Не через старый переход.

— Какой старый переход?

Но Семён Ильич уже направился к двери.

— И ещё, — сказал он, остановившись на пороге. — Если услышишь поезд, не смотри на часы.

Он вышел.

Вера осталась стоять посреди кабинета.

Она смотрела на дверь, потом на билет, потом снова на дверь.

В какой-то момент ей захотелось догнать Семёна Ильича и заставить его объяснить всё до конца. Но она знала, что он не скажет больше ни слова. Он мог быть упрямым, грубым и временами совершенно невыносимым, но никогда не пугал людей без причины.

Вера села.

На часах было 23:26.

До отправления оставалось четырнадцать минут.

Она открыла внутренний каталог железнодорожных объектов и ввела номер билета.

Система выдала ошибку.

ЗАПИСЬ НЕ НАЙДЕНА.

Она ввела эмблему, номер линии, название станции, дату отправления. Результат не менялся.

Тогда Вера сделала то, чего не делала уже много лет: открыла личный архив отца.

Он сохранился в старом семейном хранилище, которое мать не смогла удалить после его исчезновения. Вера иногда заходила туда в первые годы поисков, потом перестала. Большинство файлов были повреждены, фотографии открывались через раз, а аудиозаписи воспроизводились с искажениями.

Она ввела пароль.

Система запросила подтверждение личности. Вера приложила браслет, посмотрела в камеру и дождалась загрузки.

На экране появились папки.

ЛИЧНОЕ.

РАБОТА.

СЕМЬЯ.

АРХИВ.

Она открыла «Работу».

Внутри лежали схемы железнодорожных узлов, расчёты нагрузки, отчёты о состоянии путей и несколько документов с ограниченным доступом. Большинство файлов датировались 2031–2032 годами, последняя запись — октябрём 2032-го.

Вера открыла её.

Документ назывался «Проверка технической пригодности участка 0».

В первой строке стояла дата: 14 октября 2032 года.

Ниже было написано:

Участок признан непригодным для эксплуатации. Физическое состояние пути не соответствует нормативам. Движение поездов запрещено.

Следующая строка была удалена.

Вера включила отображение истории изменений.

Удалённый текст появился на секунду, затем система выдала предупреждение об ошибке и закрыла документ.

Она открыла файл снова.

На этот раз внизу страницы появилась дополнительная строка, которой раньше не было: Последнее обновление: 14 октября 2049 года, 23:27.

Вера отодвинулась от экрана.

— Нет.

Она проверила системное время. 23:27.

Обновление произошло только что.

Вера открыла журнал действий. Ни один пользователь не обращался к документу. Сервер не регистрировал изменений. В истории версий последняя запись по-прежнему относилась к 2032 году.

Но внизу страницы стояла сегодняшняя дата.

Она попыталась сделать снимок экрана. Программа сообщила, что захват запрещён политикой безопасности.

Тогда Вера достала телефон и сфотографировала монитор.

На фотографии документ выглядел иначе. В строке последнего обновления стояла дата 2032 года.

Она сделала ещё один снимок.

То же самое.

Вера посмотрела на экран компьютера.

2049 год.

На телефоне — 2032-й.

Она положила телефон рядом с клавиатурой и несколько секунд просто сидела, не двигаясь.

Ей хотелось позвонить Льву, вызвать охрану, отключить компьютер от сети, сделать хоть что-нибудь, что возвращало бы происходящее в область нормальных событий. Но вместо этого она открыла следующий файл.

Он назывался «Линия 0. Служебная переписка».

Вера знала, что не должна его читать. В архиве стояла пометка о частной корреспонденции, и её рабочий доступ не распространялся на личные сообщения отца. Но документ открывался без пароля.

Внутри было всего три письма.

Первое — от Андрея Соколова неизвестному адресату.

Я проверил координаты. Станция существует.

Второе — ответ без подписи.

Станция существует только для тех, кто помнит, зачем туда едет.

Третье письмо было отправлено в 23:39 14 октября 2032 года.

Я выхожу. Если не вернусь, не ищи меня на карте.

Вера прочла его несколько раз.

Она помнила день исчезновения отца. Помнила, как мать позвонила в полицию, как сотрудники пришли в квартиру и проверили шкафы, как долго говорили с соседями. Помнила собственный страх, который сначала был похож на возбуждение: взрослые бегали, звонили, собирали документы, а значит, случилось что-то важное.

Потом прошло несколько дней.

Мать перестала плакать при Вере и начала плакать в ванной, включив воду. Через месяц убрала отцовскую одежду. Через полгода перестала отвечать на вопросы. Через год сказала, что отец, скорее всего, погиб.

И только однажды, когда Вере исполнилось четырнадцать, мать произнесла:

— Если он хотел вернуться, он бы вернулся.

Вера тогда разозлилась и ушла из дома. Она гуляла по району до темноты, а потом сидела на остановке, пока не замёрзла. Ей казалось, что если она перестанет ждать отца, то предаст его. Но ждать человека, которого не было, оказалось отдельной работой. Она научилась делать её молча.

Теперь, семнадцать лет спустя, отец прислал билет.

И она не знала, хочет ли увидеть его больше, чем хочет наконец перестать ждать.

Вера закрыла архив.

На столе билет лежал рядом с клавиатурой.

Она посмотрела на время: 23:31.

Девять минут.

В коридоре снова появился Семён Ильич. Он прошёл мимо двери, остановился, вернулся и заглянул в кабинет.

— Ты ещё здесь?

— Да.

Он увидел открытый архив на мониторе.

— Ты всё-таки полезла.

— Вы знали, что отец собирался на эту линию?

— Нет.

— Вы знали, что он исчез в ночь на четырнадцатое октября?

— Да.

— И ничего не сказали?

Семён Ильич медленно вошёл.

— Я обещал твоей матери, что не буду рассказывать.

— Она умерла.

— Обещания от этого не исчезают.

— А люди исчезают.

Он посмотрел на неё. В его лице было что-то похожее на сожаление.

— Ты думаешь, я не искал его? Я проверял старые станции, депо, служебные тоннели. Я ездил туда, где его могли видеть. Но каждый раз находил только закрытые двери и людей, которые ничего не помнили.

— Почему вы не сказали мне?

— Потому что ты была ребёнком.

— Мне было десять.

— Именно.

Вера отвернулась.

— Вы знаете, где эта линия начинается?

Семён Ильич не ответил.

— Пожалуйста.

Он посмотрел на часы.

— Если я скажу, ты поедешь.

— Да.

— И если я скажу, что не знаю, ты всё равно поедешь.

— Да.

Семён Ильич тяжело вздохнул.

— Старый переход за восточным депо. Там раньше была служебная платформа. Её закрыли после наводнения, а потом засыпали вход. По документам там ничего нет.

— Как туда попасть?

— Никак.

— Семён Ильич.

— Через старый переход. Но если ты увидишь дверь с зелёной полосой, не открывай её.

— Почему?

— Потому что за ней не станция.

Он помолчал.

— И ещё, Вера. Если на платформе будет кто-то знакомый, не верь ему сразу.

— Даже если это мой отец?

Семён Ильич посмотрел на неё так, словно хотел сказать что-то важное, но передумал.

— Особенно если это твой отец.

Он ушёл.

Вера осталась одна.

На этот раз она не стала искать объяснений. Взяла куртку, убрала билет во внутренний карман и выключила монитор. Перед уходом остановилась у двери, оглянулась на кабинет и вдруг заметила, что на столе остался конверт.

Она забрала и его.

На выходе охранник поднял голову от планшета.

— Уже домой?

— Да.

— Ты сегодня поздно.

— Бывает.

Он кивнул и снова уткнулся в экран.

Вера приложила браслет к считывателю. Дверь открылась.

На улице было холодно. Город дышал белым паром из вентиляционных шахт, над дорогой двигались бесшумные транспортные капсулы. В окнах высотных домов горел свет, а между зданиями висела тонкая дымка, которую климатические службы называли контролируемой влажностью.

Вера вызвала такси, но приложение сообщило, что ближайшая машина будет через двадцать семь минут.

Она посмотрела на часы.

23:34.

До отправления оставалось шесть минут.

Старое восточное депо находилось в трёх километрах. Пешком она не успеет.

Вера открыла карту, выбрала служебный маршрут и направилась к остановке грузового трамвая. Последний рейс уходил в 23:36. От депо до старого перехода было ещё около восьмисот метров.

Если повезёт, она успеет.

Если нет — поедет домой и вернётся утром.

Эта мысль почему-то показалась ей предательством.

Трамвай подошёл без звука. Двери раздвинулись, выпуская тёплый воздух с запахом пластика и озона. Внутри сидели четыре человека: женщина с сумкой для продуктов, подросток в наушниках и двое мужчин в рабочих комбинезонах.

Вера села у окна.

Город проплывал мимо. Закрытые торговые галереи, рекламные панели, серые жилые башни, автоматические пункты выдачи. На одном из экранов показывали старую запись: дети бегали по пляжу, вода доходила им до колен, солнце блестело на волнах.

Подпись гласила:

МОРЕ — ОБЩЕЕ НАСЛЕДИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

Вера отвела глаза.

Трамвай остановился на перекрёстке. За стеклом стоял человек в длинном пальто. Он не смотрел на транспорт, не проверял телефон, не ждал перехода. Просто стоял посреди пустого тротуара и смотрел прямо на Веру.

Она отвернулась.

Когда снова посмотрела в окно, человека не было.

На остановке «Восточное депо» Вера вышла. Ветер ударил в лицо, и она застегнула куртку до подбородка. Депо давно не использовалось: ворота были заварены, на стенах облупилась краска, а поверх старых предупреждений кто-то нарисовал чёрные круги.

Она обошла здание с восточной стороны.

Там, за бетонной стеной, действительно обнаружилась узкая дорожка, ведущая к заросшему кустарником спуску. Вера включила фонарь на телефоне и пошла вниз.

Через несколько метров асфальт сменился гравием. Потом под ногами появилась старая плитка, покрытая мхом. Стены по обе стороны стали выше, а воздух — влажнее.

Она остановилась.

Впереди была дверь.

Металлическая, тёмно-зелёная, с выцветшей полосой посередине.

Вера вспомнила слова Семёна Ильича.

Если увидишь дверь с зелёной полосой, не открывай её.

Она подошла ближе.

На двери висела табличка:

СЛУЖЕБНЫЙ ПРОХОД. ДОСТУП ЗАПРЕЩЁН.

Ниже кто-то процарапал острым предметом:

ВЕРА, НЕ ОТКРЫВАЙ.

Она отступила.

Надпись была свежей. Металл под буквами блестел, словно царапины сделали несколько минут назад.

Вера посмотрела на часы.

23:38.

Две минуты.

Она могла уйти. Вернуться на улицу, вызвать такси и завтра доложить о незаконном проникновении на закрытый объект. Могла сообщить Семёну Ильичу, что нашла дверь, и потребовать объяснений.

Но тогда она никогда не узнает, кто написал её имя на металле.

Вера взялась за ручку.

Дверь открылась легко.

За ней оказался короткий коридор, освещённый одной лампой. На полу лежал мелкий песок. Вдоль стен тянулись трубы, покрытые ржавчиной. В конце коридора виднелась лестница вниз.

Снизу доносился гул.

Не шум вентиляции, не движение машин. Что-то низкое, протяжное, с едва уловимым металлическим ритмом.

Вера спустилась на несколько ступеней.

Гул стал громче.

Потом она услышала свисток.

Поезд.

Она замерла.

Семён Ильич сказал, что старую линию закрыли. Официальные документы подтверждали это. Рельсы должны были быть разобраны или затоплены, а станция — засыпана.

Но поезд шёл.

Вера спустилась до конца лестницы и оказалась на платформе.

Она была небольшой, с низким потолком и стенами, покрытыми тёмной плиткой. На противоположной стороне висели старые часы с белым циферблатом. Стрелки показывали 23:40.

Поезд стоял у платформы.

Чёрный, с узкими окнами, в которых отражался свет ламп. Ни номера, ни эмблемы, ни предупреждающих надписей. Только на переднем вагоне белой краской было выведено одно слово:

МОРЕ.

Вера подошла к краю платформы.

Двери вагона были открыты.

Внутри горел тёплый свет. Она видела обитые тканью сиденья, деревянные полки для багажа и длинный коридор, уходящий вглубь состава. В одном из окон сидел мальчик лет двенадцати. Он смотрел на свои руки и тихо шевелил губами, будто считал пальцы.

У соседнего окна стояла женщина с короткими тёмными волосами. Она держала в руках карту, нарисованную на бумаге. Когда Вера посмотрела на неё, женщина подняла голову и кивнула, словно они были знакомы.

На платформе больше никого не было.

Вера достала билет.

Номер 000014.

Она приложила его к считывателю у двери. Устройство мигнуло зелёным, хотя выглядело старше самого депо.

На маленьком экране появилась надпись:

ПАССАЖИР ПОДТВЕРЖДЁН.

Вера убрала билет в карман.

В этот момент из вагона вышел проводник.

Он был высоким, худым, в тёмной форме старого образца. На лацкане блестел металлический знак с тремя линиями, сходящимися к горизонту. Волосы у него были почти белыми, но лицо выглядело молодым — лет тридцати пяти, не больше.

— Соколова Вера Андреевна? — спросил он.

Вера не ответила сразу.

— Да.

Проводник взглянул на часы.

— Вы опоздали.

— Поезд только что прибыл.

— Для вас — да.

Он протянул руку.

— Билет, пожалуйста.

Вера достала его и передала проводнику. Тот осмотрел бумагу, проверил номер и вернул ей.

— Место четырнадцать. Второй вагон. Купе три.

— А куда мы едем?

Проводник посмотрел на неё с вежливым недоумением.

— Указано в билете.

— Я хочу знать, где находится станция «Море».

— Это конечная остановка.

— Где она?

— Там, где заканчивается линия.

Вера почувствовала раздражение.

— Я не собираюсь ехать неизвестно куда с человеком, который не может ответить на простой вопрос.

— Тогда вам следует остаться на платформе.

Он сказал это совершенно спокойно, без угрозы и насмешки.

Вера посмотрела на поезд.

В окне мальчик перестал считать и теперь смотрел на неё. Женщина с картой стояла у двери, будто ждала именно её.

— Сколько займёт дорога?

— Зависит от пассажира.

— От пассажира?

— Некоторые приезжают раньше, чем отправляются. Другие — позже, чем прибывают.

— Это бессмыслица.

— Возможно.

Проводник слегка наклонил голову.

— Вы можете отказаться от поездки. Ваш билет останется действительным до следующего отправления.

— Когда будет следующее?

— Когда вы снова будете готовы.

Вера рассмеялась коротко и зло.

— Вы все здесь разговариваете загадками?

— Нет. Просто некоторые вопросы не имеют ответа, который можно было бы напечатать на билете.

Он отошёл в сторону, освобождая проход.

Вера посмотрела на часы.

23:40.

Поезд стоял неподвижно. В его окнах отражалась платформа, но отражения казались чуть запоздалыми: когда она двигала рукой, изображение повторяло движение через долю секунды.

Вера шагнула в вагон.

Внутри пахло деревом, пылью и чем-то едва уловимо солёным. Она провела пальцами по спинке ближайшего сиденья. Ткань была старой, но чистой. На столике возле окна стоял стакан в металлическом подстаканнике, и на поверхности воды дрожала тонкая рябь.

Поезд не двигался.

Но вода колыхалась.

— Второй вагон, купе три, — повторил проводник. — Не выходите на первой остановке.

Вера обернулась.

— Почему?

— Потому что на первой остановке вас будут ждать.

— Кто?

Проводник посмотрел на неё, и впервые в его лице появилось что-то человеческое — усталость человека, который слишком много раз видел одно и то же.

— Тот, кого вы больше всего хотите увидеть.

Он шагнул обратно на платформу.

Двери начали закрываться.

Вера успела заметить, что на часах всё ещё 23:40. Секундная стрелка не двигалась.

Она прошла по коридору, нашла второй вагон и купе три. На двери висела маленькая табличка с номером 14. Внутри было два места, столик и окно, за которым не отражалась платформа.

Там была темнота.

Вера положила сумку на верхнюю полку и села у окна.

Поезд тронулся без толчка.

Она почувствовала движение только потому, что платформа медленно поплыла назад. Свет ламп растянулся в длинные полосы, стены тоннеля исчезли, а за окном на несколько секунд возникло нечто похожее на открытое пространство.

Чёрное небо.

Низкий горизонт.

Полоса воды, отражавшая лунный свет.

Вера вскочила.

Но видение исчезло. За окном снова была темнота, в которой отражалось её собственное лицо.

Она прижалась лбом к стеклу.

Никаких рельсов, стен, огней.

Только её отражение и слабый свет в купе.

Вера села обратно и достала билет.

На бумаге появилась новая строка.

Она была напечатана тем же шрифтом, что и остальные данные, но Вера точно знала: когда она передавала билет проводнику, этой строки не было.

ПАССАЖИР: ВЕРА АНДРЕЕВНА СОКОЛОВА.

Ниже:

ЦЕЛЬ ПОЕЗДКИ: ВОЗВРАЩЕНИЕ.

И последняя строка:

СОСТАВ ПАССАЖИРОВ: 14.

Вера перевернула билет.

На обратной стороне теперь было другое сообщение.

Не верь человеку, который назовётся твоим отцом.

Она перечитала его.

Потом снова перевернула билет, словно надеялась, что текст исчезнет.

Он остался.

За дверью купе послышались шаги. Кто-то остановился, постоял несколько секунд, а затем тихо постучал.

Три раза.

Вера не ответила.

Дверь приоткрылась.

На пороге стоял мальчик из первого вагона. Вблизи он казался старше, чем через окно: лет четырнадцати, худой, с короткими светлыми волосами и глубокими тенями под глазами. На нём была куртка, явно ему великоватая, а в руках он держал бумажный стаканчик.

— Можно? — спросил он.

Вера кивнула.

Мальчик вошёл, сел напротив и поставил стаканчик на стол.

— Ты новенькая?

— Похоже на то.

— Тогда тебе нужно кое-что знать.

Он говорил серьёзно, но не испуганно. Так разговаривают дети, которые слишком рано поняли, что взрослые не всегда знают больше них.

— Что?

Мальчик посмотрел на дверь.

— Если проводник спросит, сколько тебе лет, говори правду. Если спросит, кого ты ждёшь, не отвечай. И если кто-нибудь постучит в окно, не смотри.

Вера медленно положила билет на стол.

— Почему?

— Потому что в прошлый раз я посмотрел.

— И что произошло?

Мальчик опустил глаза на стаканчик.

— Я увидел себя.

— В отражении?

— Нет. Снаружи.

Вера хотела спросить, что это значит, но мальчик поднял голову.

— Ты едешь к отцу?

Она почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Откуда ты знаешь?

— У всех здесь кто-то есть. Кто-то ждёт мать. Кто-то — брата. Кто-то хочет вернуться туда, где его ещё помнят.

Он помолчал.

— А ты едешь к отцу.

Вера не стала отрицать.

— Ты его видел?

Мальчик долго смотрел на неё.

— Не знаю.

— Как это?

— Я видел человека, который говорил, что он мой отец. Но у меня никогда не было отца.

Вера молчала.

— Он был очень похож на меня, — добавил мальчик. — Только старше. И у него было лицо, как у человека, который давно не спал.

— Как его звали?

Мальчик покачал головой.

— Я не спросил.

Он встал.

— Мне пора.

— Подожди. Как тебя зовут?

Мальчик уже взялся за ручку двери.

— Костя.

— Костя, сколько тебе лет?

Он обернулся.

— Двенадцать.

— А выглядишь на четырнадцать.

— Здесь все выглядят не так, как должны.

Он вышел и закрыл дверь.

Вера осталась одна.

Она посмотрела на часы. На её запястье они показывали 23:43. Поезд шёл уже три минуты, но за окном по-прежнему ничего не было. Ни света, ни тоннеля, ни горизонта.

Она достала телефон.

Связи не было. Время на экране показывало 23:40.

Вера выключила телефон и убрала его в карман.

Потом посмотрела на билет.

На обратной стороне, под предупреждением о человеке, который назовётся её отцом, появилась ещё одна строка.

ПЕРВАЯ ОСТАНОВКА: ВОСПОМИНАНИЕ.

Вера закрыла глаза.

Она не знала, куда едет. Не знала, кто оставил билет на её столе, кто построил поезд и почему Семён Ильич боялся старой линии. Не знала, жив ли её отец, и если жив, то кем стал за эти семнадцать лет.

Но одно она понимала точно.

Поезд не просто вёз её к морю.

Он вёз её туда, где начиналась история, которую все остальные давно решили забыть.

За дверью снова послышались шаги.

На этот раз они не остановились у соседнего купе.

Они шли прямо к ней.

Медленно. Без спешки.

Вера посмотрела на дверь и увидела, как под ней появилась узкая полоска света.

Кто-то стоял снаружи.

— Вера, — произнёс мужской голос.

Она перестала дышать.

Голос был старше того, который она помнила, хриплее, с едва заметной сипотцой на конце фраз. Но в нём оставалась та же интонация — короткая пауза перед именем, словно отец всегда сначала убеждался, что человек действительно готов его услышать.

— Вера, открой. Это я.

Она не пошевелилась.

За дверью тихо вздохнули.

— Я знаю, что ты там. Я ждал тебя.

Вера сжала билет так сильно, что бумага смялась.

— Назови моё имя, — прошептала она, сама не понимая, зачем.

Мужчина за дверью замолчал.

— Вера Андреевна Соколова, — наконец произнёс он. — Ты родилась четырнадцатого октября. В детстве боялась грозы, но никогда не признавалась. Ты прятала песок под кроватью, потому что думала, что он настоящий.

У Веры задрожали пальцы.

Этого не мог знать никто.

Никто, кроме отца.

— Открой, доченька.

Она встала и сделала шаг к двери.

И тогда заметила, что на билете проступили новые слова.

Не напечатанные. Написанные от руки, знакомым почерком, который она узнала ещё до того, как успела прочесть.

ВЕРА, ЕСЛИ ТЫ ОТКРОЕШЬ, ОН УЗНАЕТ, ЧТО ТЫ ЕГО ПОМНИШЬ.

Она отступила.

За дверью мужчина тихо засмеялся.

— Всё правильно, — сказал он. — Ты ведь помнишь меня.

Вера смотрела на билет, чувствуя, как сердце стучит где-то в горле.

— Кто ты? — спросила она.

— Твой отец.

— Докажи.

— Я не могу.

Ответ был таким неожиданным, что Вера подняла голову.

— Почему?

— Потому что всё, что я могу тебе рассказать, ты уже знаешь. А всё, что ты не помнишь, я не имею права возвращать тебе силой.

Он помолчал.

— Но я могу подождать.

Шаги удалились.

Вера стояла у двери ещё несколько минут, не решаясь пошевелиться. Потом вернулась к столу и медленно развернула билет.

Надпись исчезла.

Остались только маршрут, время отправления, пункт назначения и номер 000014.

За окном впервые появился свет.

Сначала тонкая полоска, потом целая линия горизонта. Вера увидела тёмную воду, уходящую за край мира, и берег, на котором стояли люди. Они были слишком далеко, чтобы различить лица, но она заметила, что все смотрят в сторону поезда.

Над водой висел туман.

Поезд замедлялся.
Вера посмотрела на часы.
23:44.
Время не двигалось вперёд.
Оно возвращалось к 23:40.
На двери купе загорелся маленький красный индикатор.
Под ним появилась надпись:
ПЕРВАЯ ОСТАНОВКА.
Вера вспомнила предупреждение проводника.
Не выходите на первой остановке.
Она села и положила руки на колени.
Поезд остановился.
За окном был перрон, освещённый жёлтыми фонарями. На стене висела табличка с названием станции.
ДОМ.
Двери вагона открылись.
С платформы донёсся детский смех.
Вера узнала его сразу.
Это был её собственный смех — тот, которым она смеялась в детстве, когда отец подбрасывал её в воздух и ловил, а она кричала, что совсем не боится высоты.
Она прижала ладони к ушам.
Смех продолжался.
Потом раздался голос:
— Папа, ещё раз!
Вера подняла голову.
На платформе стояла маленькая девочка в красном пальто. Она держала в руках стеклянную банку с серым песком и смотрела на поезд.
У девочки было лицо Веры.
Не похожее.
Её собственное.
Девочка подняла руку и помахала ей.
— Ну же, — сказала она. — Ты же обещала, что вернёшься.
Вера не вышла.
Двери начали закрываться.
Девочка перестала улыбаться.
Она прижала банку к груди и произнесла что-то, чего Вера не расслышала. Потом достала из кармана маленький бумажный билет и подняла его к свету.
На билете было написано:
ПАССАЖИР: АНДРЕЙ СОКОЛОВ.
Вера бросилась к двери, но поезд уже тронулся.
Платформа поплыла назад. Девочка становилась всё меньше, пока не превратилась в тёмную точку под жёлтым фонарём.
В последний момент Вера увидела, что за её спиной стоит мужчина.
Он держал девочку за плечо.
На нём было серое пальто.
Лица Вера не разглядела.
Но мужчина поднял голову и посмотрел прямо в её окно.
И улыбнулся.
Поезд набрал скорость.

За окном снова осталась темнота.

Вера медленно опустила на сиденье и закрыла лицо руками.

Она не знала, что только что увидела: воспоминание, предупреждение или что-то, что произошло на самом деле. Не знала, почему на станции стояла она сама — маленькая, с банкой песка, — и почему рядом с ней был человек, которого она не могла разглядеть.

Но теперь она понимала, почему отец оставил ей билет.

Он не просто хотел, чтобы она нашла его.

Он хотел, чтобы она вспомнила, что произошло в тот день, когда он исчез.

И, возможно, именно поэтому он просил не искать его на карте.

Потому что карта не показывала дорогу, по которой он ушёл.

Она показывала дорогу, по которой Вера когда-то уже прошла.

И забыла.

В коридоре снова раздались шаги.

На этот раз никто не постучал.

Под дверью купе появилась записка. Она медленно скользнула по полу и остановилась возле ноги Веры.

Вера подняла её.

На листке было всего две строки.

Ты не опоздала.

Ты просто приехала не в тот год.

Вера перевернула бумагу.

На обратной стороне стояла подпись:

Андрей.

Она прижала записку к груди и впервые за семнадцать лет позволила себе заплакать.

Поезд шёл дальше.

А далеко впереди, за пределами всех известных карт, море ждало своего пассажира.

Глава вторая. Линия, которой нет

Первое, что Вера сделала после того, как перестала плакать, — проверила карманы.

Телефон был на месте. Пропуск с работы тоже. Ключи, кошелек, маленький складной нож, который она носила скорее по привычке, чем из соображений безопасности. Внутренний карман куртки оказался пуст, и это её удивило: записка с подписью отца исчезла.

Она точно держала её в руках. Помнила шершавую бумагу, неровные края, две короткие строки. Помнила, как прижала листок к груди и закрыла глаза. А потом поезд качнулся, она потянулась за салфеткой, чтобы вытереть лицо, и...

Нет. Она не могла просто забыть, куда положила записку.

Вера проверила сиденье, заглянула под столик, провела ладонью по щели между спинкой и стеной. Ничего. На полу лежал только билет, смятый так, будто его долго сжимали в кулаке.

Она развернула его.

Маршрут: Линия № 0.

Пункт назначения: МОРЕ.

Пассажир: Вера Андреевна Соколова.

Последняя строка теперь была напечатана обычным шрифтом. Ни предупреждений, ни подписи, ни упоминания о возвращении.

Вера разгладила бумагу на колене и попыталась восстановить последовательность событий. Поезд остановился. Она увидела девочку в красном пальто. Та держала банку с песком. Рядом стоял мужчина, которого она не смогла разглядеть. Потом поезд тронулся, появилась записка, и она заплакала.

Всё выглядело как сон. Но сон не объяснял, почему билет был влажным от её ладоней, а на запястье остался красный след от края бумаги.

Она посмотрела на часы.

23:40.

Вера медленно подняла руку к лицу. На запястье были её обычные часы — старые, с поцарапанным стеклом. Они показывали то же время, что и телефон. Она нажала на боковую кнопку, открыла настройки и проверила дату.

Четырнадцатое октября 2049 года.

Система работала. Заряд — восемьдесят семь процентов. Связи не было.

Вера выключила экран.

— Ладно, — сказала она пустому купе. — Допустим.

Это слово она использовала всякий раз, когда факты начинали вести себя неприлично. Допустим, датчик врёт. Допустим, отчёт повреждён. Допустим, свидетель путает время. Любое событие можно было разобрать на части, если не позволять себе сразу делать выводы.

Она достала из сумки маленький блокнот. Бумажный, в клетку, с чёрной резинкой. Современные заметки синхронизировались автоматически, но Вера предпочитала записывать важное от руки. Так было проще замечать противоречия: электронный текст слишком легко исправлялся, и вместе с ошибкой исчезало доказательство того, что она вообще существовала.

На первой странице она написала:

14 октября 2049 года.

Ниже:

Билет появился в кабинете без зарегистрированного входа. Семён Ильич видел такой же билет у отца. Линия № 0 отсутствует в действующих и архивных базах. Поезд остановился на станции «Дом». На платформе была девочка, похожая на меня в детстве. Записка подписана Андреем Соколовым.

Она задержала ручку над страницей.

Потом добавила:

7. Неизвестно, сколько времени прошло с момента отправления.

Вера закрыла блокнот.

Поезд двигался бесшумно. Иногда под полом возникал низкий гул, похожий на работу старого двигателя, но он быстро затихал. В обычных поездах были вибрация, скрип колёс, изменение давления при прохождении тоннеля. Здесь не было ничего, что позволяло бы определить скорость.

Она подошла к двери купе и прислушалась.

За ней кто-то разговаривал.

— ...не могла она не узнать, — говорил женский голос.

— Она не обязана узнавать, — ответил другой.

— А если не узнает?

— Тогда доедет.

— А если выйдет?

Собеседник помолчал.

— Тогда останется там.

Вера приоткрыла дверь.

Коридор оказался пустым.

Она вышла и осторожно посмотрела в обе стороны. Вагон был длиннее, чем казался снаружи. Слева уходил проход к следующему вагону, справа — к первому. На стенах висели небольшие рамки с изображениями станций, но подписи под ними были стёрты. На полу лежала дорожка тёмно-красного цвета, местами протёртая до основы.

Из соседнего купе донёсся щелчок.

Вера повернула голову.

Дверь с табличкой «12» медленно приоткрылась, и в щели показался глаз.

— Вы что-то потеряли? — спросил детский голос.

— Нет.

— Тогда почему ищите?

Вера подошла ближе.

— Я ищу проводника.

— Он в первом вагоне.

— Спасибо.

— Не за что.

Дверь закрылась.

Вера уже собиралась идти дальше, когда за ней снова щёлкнул замок.

— Только не спрашивайте, который сейчас год, — сказал тот же голос.

— Почему?

— Потому что он не любит этот вопрос.

— Кто?

Но дверь больше не открылась.

Вера постояла ещё немного, затем направилась к первому вагону.

У перехода между вагонами она обнаружила табличку, которой раньше не замечала:

ПАССАЖИРАМ ЗАПРЕЩЕНО ПЕРЕМЕЩАТЬСЯ МЕЖДУ ВАГОНАМИ ВО ВРЕМЯ ДВИЖЕНИЯ.

Табличка выглядела новой. Под ней виднелись четыре отверстия от прежнего крепления.

Вера сняла её с крючка.

На обратной стороне было написано карандашом:

Если поезд идёт, значит, кто-то ещё не решил.

Она перевернула табличку обратно и повесила на место.

Потом перешагнула через соединительную площадку.

В первом вагоне было холоднее. Окна здесь не закрывались шторами, и за стеклом иногда возникали короткие вспышки света. Вера успела заметить кирпичную стену, ряд фонарей, чёрную воду и одинокое дерево, растущее прямо между рельсами. Всё это исчезало так быстро, что она не могла понять, проезжает ли поезд мимо реальных мест или показывает ей отдельные картинки.

У окна сидел Костя.

Он держал на коленях бумажный стаканчик и смотрел на свои руки.

— Ты всё-таки вышла, — сказал он.

— Я ищу проводника.

— Я же говорил, он в первом вагоне.

— Мы уже в первом.

Костя посмотрел на окно, потом на неё.

— Тогда, наверное, он в последнем.

Вера села напротив.

— Ты всегда так отвечаешь?

— Как?

— Будто хочешь, чтобы я ушла.

— Я не хочу, чтобы ты осталась.

— Это разные вещи.

— Здесь нет.

Он сказал это без раздражения. Просто констатировал.

Вера заметила, что стаканчик у него пустой. На картонной поверхности остался тёмный след от пальцев, а на дне виднелась тонкая полоска соли.

— Что ты пьёшь?

— Ничего.

— Тогда зачем держишь стакан?

Костя посмотрел на него, словно впервые увидел.

— Не знаю.

Он поставил стаканчик на столик.

— Ты видела станцию?

— Да.

— Что там было?

Вера не хотела рассказывать о девочке, но почему-то ответила:

— Дом.

Костя кивнул.

— У меня тоже был Дом.

— Ты там живёшь?

— Жил.

— И что случилось?

Он долго молчал.

— Я вышел не на той остановке.

— На первой?

— Нет. На третьей.

Вера вспомнила билет.

— Сколько здесь остановок?

— Никто не знает.

— А ты сколько проехал?

Костя посмотрел на неё с таким удивлением, словно она спросила, сколько раз он моргнул за всю жизнь.

— Я не считал.

— Почему?

— Потому что каждый раз получается разное число.

Вера раскрыла блокнот.

— Давай с начала. Как ты попал в поезд?

Костя откинулся на спинку сиденья.

— Меня посадили.

— Кто?

— Мама.

— Твоя мама здесь?

— Не знаю.

— Ты не знаешь, где твоя мать?

— Я не знаю, была ли она.

Вера закрыла блокнот.

— Костя, это не смешно.

— Я и не смеюсь.

Он говорил спокойно, но пальцы его снова начали считать: большой палец касался указательного, среднего, безымянного, мизинца, потом всё повторялось. Вера вспомнила, как он рассказывал, что увидел себя за окном. Тогда она решила, что он просто испуганный ребёнок, которому слишком долго приходится жить в странном месте.

Теперь ей казалось, что он сам не понимает, что с ним произошло.

— Сколько тебе лет? — спросила она.

— Двенадцать.

— Ты уверен?

Костя посмотрел на свои руки.

— Мне было двенадцать, когда я сел в поезд.

— Когда это случилось?

— Не помню.

— В каком году?

Он пожал плечами.

— В том, когда мне было двенадцать.

Вера выдохнула через нос.

— Ты понимаешь, что это не ответ?

— Да.

— И всё равно не можешь сказать больше?

— Могу. Но тогда ты начнёшь спрашивать, а я не хочу отвечать.

— Почему?

Костя посмотрел на неё.

— Потому что ты похожа на человека, который не остановится, пока не получит ответ.

А здесь ответы иногда хуже того, что ты спрашиваешь.

Он поднялся.

— Пойдём.

— Куда?

— Покажу тебе одну вещь.

Вера не двинулась.

— Сначала скажи, что именно.

Костя помедлил.

- Вагон, которого нет.
- Мы уже в поезде, которого нет.
- Это другое.

Он пошёл по коридору, не оглядываясь. Вера посмотрела на дверь своего купе, затем на блокнот и билет в руке.

Она могла остаться.

Вместо этого пошла за ним.

В конце вагона находилась узкая дверь без ручки. На ней не было номера, только маленький круглый глазок, закрытый металлической заслонкой. Костя достал из кармана монету и провёл ею по краю двери.

— Что ты делаешь? — спросила Вера.

— Проверяю.

— Что?

— Открывалась ли она сегодня.

— И как ты это определяешь?

Костя показал монету. На ней была выцарапана тонкая линия.

— Если линия становится короче, дверь открывали.

Вера посмотрела на монету. Линия действительно была неровной, будто её много раз стирали и наносили заново.

— Кто тебе это сказал?

— Человек, который ехал здесь до меня.

— А он откуда знал?

— Он ехал здесь до того человека.

Вера устало потёрла лоб.

— Хорошо. И что будет, если дверь открывали?

— Тогда лучше не входить.

— А если не открывали?

— Тогда тоже лучше не входить.

— Замечательно.

Костя впервые улыбнулся.

— Ты начинаешь понимать.

Он приложил ухо к двери.

Сначала ничего не было слышно. Потом из-за металла донёсся слабый стук, словно кто-то постукивал изнутри костяшками пальцев.

Костя отступил.

— Вот.

— Что «вот»?

— Вагон, которого нет.

Стук повторился. Три раза. Затем пауза. Потом ещё два.

Вера почувствовала, как холодеют ладони.

— Там кто-то есть.

— Да.

— Кто?

Костя покачал головой.

— Я не знаю.

— Тогда почему ты говоришь, что вагон не существует?

— Потому что проводник говорит, что за этой дверью ничего нет. А стучат уже третий рейс.

— Третий?

— Для меня.

Вера подошла к двери. Металл был холодным. На уровне глаз она заметила маленькую царапину, похожую на цифру семь. Ниже кто-то процарапал буквы:

НЕ ОТКРЫВАЙ, ПОКА НЕ УЗНАЕШЬ, КТО СТУЧИТ.

Вера наклонилась ближе.

— А если узнаешь?

Костя схватил её за рукав.

— Не надо.

Она посмотрела на него.

— Ты боишься?

— Да.

— Чего?

Он не ответил.

Из-за двери раздался голос.

— Вера?

Она отдёрнула руку.

Голос был женский, низкий, с едва заметной хрипотцой.

Вера знала его.

Её мать умерла четыре года назад.

— Вера, открой, пожалуйста.

Костя побледнел.

— Не отвечай.

— Я не...

— Не отвечай!

Голос за дверью снова произнёс её имя.

— Вера, я знаю, что ты там.

Она сделала шаг назад.

— Это невозможно.

— Здесь многое невозможно, — прошептал Костя. — Но это не значит, что оно не может тебя позвать.

Вера не отрывала взгляда от двери.

— Мам?

Слово вырвалось само.

Стук прекратился.

Костя закрыл глаза.

— Зачем ты это сделала?

Вера почувствовала, что сейчас упадёт. Она ухватила за стену и попыталась дышать медленно, как учила себя в детстве, когда просыпалась после кошмара.

За дверью мать тихо рассмеялась.

— Вот видишь, — сказала она. — Ты всё-таки помнишь.

Вера прижала ладонь ко рту.

Голос звучал совершенно обычно. Не искажённо, не глухо, не как запись. Она слышала его так, словно мать стояла по другую сторону двери в домашнем халате и ждала, пока Вера закончит мыть руки перед ужином.

— Вера, открой. Мне холодно.

Она вспомнила последнюю ночь матери в больнице. Белый свет, пластиковую кружку на тумбочке, тихий писк аппарата. Мать тогда почти не говорила. Вера сидела рядом и держала её за руку. Когда стало совсем поздно, мать открыла глаза и прошептала:

— Не ищи его.

Вера не поняла, кого она имела в виду. Переспросить не успела.

Через час мать умерла.

Теперь её голос звучал за дверью вагона, которого не существовало.

— Я не открою, — сказала Вера.

За дверью стало тихо.

Потом мать произнесла:

— Тогда хотя бы скажи, почему ты не пришла раньше.

Вера закрыла глаза.

Она могла сказать, что не знала. Что её никто не предупредил. Что она была ребёнком и не могла ничего изменить. Но слова застряли в горле, потому что все эти годы она действительно не приходила. Не к могиле, не в больницу, не к старым фотографиям. Она убрала вещи матери в коробки, продала квартиру и переехала в другой район. Не потому, что не любила её, а потому, что не могла находиться в доме, где каждый предмет напоминал о человеке, который исчезал у неё на глазах.

— Я не знала, что ты ждёшь, — прошептала Вера.

Костя посмотрел на неё с ужасом.

Дверь тихо щёлкнула.

Металлическая заслонка глазка медленно поднялась.

Вера увидела за круглым стеклом глаз.

Серый, с маленьким тёмным пятнышком возле радужки.

Глаз её матери.

Она отшатнулась.

— Вера, — сказал голос. — Посмотри на меня.

Костя схватил её за руку и потащил назад.

— Беги!

Вера не сопротивлялась. Они бросились по коридору, миновали пустые купе, проскочили переход между вагонами. Позади раздался глухой удар, затем скрежет металла.

Дверь открывалась.

Они остановились только у столика в первом вагоне.

Костя согнулся, оперев руки в колени. Вера тяжело дышала, чувствуя, как сердце колотится в груди.

— Что это было? — спросила она.

— Не знаю.

— Ты знал, что там моя мать?

— Нет.

— Тогда почему испугался?

Костя выпрямился.

— Потому что оно заговорило с тобой.

— Кто?

— То, что за дверью.

— Ты сказал, что не знаешь.

— Я не знаю, кто там. Но знаю, что происходит, когда пассажир отвечает.

Вера посмотрела на него.

— Что происходит?

Костя молчал.

— Скажи.

— Сначала ты слышишь голос. Потом вспоминаешь то, что хотел забыть. Потом начинаешь думать, что если откроешь дверь, всё можно будет исправить. И однажды открываешь.

— А потом?

Он отвёл глаза.

— Потом тебя больше никто не видит.

Вера почувствовала, как холод проходит от затылка к плечам.

— Ты видел, как кто-то открывал?

Костя кивнул.

— Девушка. Она ехала со мной. Её звали Лида. Она хотела увидеть брата. Он пропал в затопленном городе, когда ей было девять. На второй остановке она услышала его голос и вышла. Я пытался её удержать, но она сказала, что не собирается бросать его второй раз.

— И что с ней стало?

— Не знаю. Двери закрылись, поезд поехал дальше. А на следующей станции её место было занято другим человеком.

Вера села.

— Сколько человек в этом поезде?

Костя пожал плечами.

— Четырнадцать.

— Откуда ты знаешь?

— На билете написано.

Вера достала свой билет.

СОСТАВ ПАССАЖИРОВ: 14.

Она посмотрела на Костю.

— Ты знаешь остальных?

— Некоторых.

— Тогда покажи мне их.

Костя покачал головой.

— Не всех можно показывать.

— Почему?

— Потому что не все ещё приехали.

Вера хотела возразить, но в этот момент поезд резко качнулся. В стаканчике на столе дрогнула вода. За окном вспыхнул свет, и на секунду она увидела длинную платформу, покрытую белым песком.

На платформе стояли люди.

Много людей.

Они не двигались, не махали руками, не пытались привлечь внимание. Просто смотрели на поезд, пока он проходил мимо.

Вера узнала одного из них.

Семён Ильич.

Он стоял у края платформы в своей старой рабочей куртке, с термосом в руке. Рядом с ним был мужчина в сером пальто, который смотрел прямо на Веру.

И ещё один человек.

Высокий, худой, с тёмными волосами, тронутыми сединой у висков.

Её отец.

Он не улыбался. Не махал рукой. Просто стоял среди остальных и держал в руках маленькую стеклянную банку с серым песком.

Вера вскочила и бросилась к окну.

— Папа!

Поезд не замедлился.

Она ударила ладонью по стеклу.

— Папа!

Мужчина поднял голову.

И на этот раз Вера увидела его лицо.

Он выглядел точно так, как на последней фотографии, сделанной за неделю до исчезновения. Те же глубокие складки у рта, та же привычка чуть наклонять голову, когда он слушал. Но в его глазах было что-то чужое — не страх и не удивление, а бесконечная усталость человека, который слишком долго стоял на одной и той же платформе.

Он поднял банку.

Потом показал на свои часы.

Стрелки показывали 23:40.

Вера отступила от окна.

Поезд продолжал идти.

Костя стоял рядом, не пытаясь её остановить.

— Это был он? — спросил он.

Вера не ответила.

Она достала блокнот и быстро записала:

Остановка. Платформа с песком. Семён Ильич. Отец. Банка. Время 23:40.

Потом добавила:

Возможно, это не воспоминание.

Она закрыла блокнот.

На столике лежал билет. Бумага снова изменилась.

Теперь на лицевой стороне, под пунктом назначения, появилась строка:

СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА: ЛИНИЯ, КОТОРОЙ НЕТ.

Вера провела пальцем по буквам.

Костя посмотрел на неё.

— Что там?

Она показала билет.

Он прочитал и резко побледнел.

— Нет.

— Что?

— Это не должно быть следующей остановкой.

— Почему?

Костя отступил от стола.

— Потому что линия, которой нет, — это не станция.

— А что?

Он посмотрел на окно, за которым снова была темнота.

— Это место, откуда поезд уходит.

Вера почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Куда уходит?

Костя не ответил.

Впервые за всё время он выглядел не как ребёнок, который знает слишком много, а как человек, который только что понял, что сам не знает самого главного.

Из динамика под потолком раздался сухой щелчок.

Затем голос проводника:

— Уважаемые пассажиры, поезд прибывает на станцию «Линия № 0». Просьба оставаться на местах до полной остановки состава.

Вера посмотрела на часы.

23:40.

Стрелки не двигались.

За окном появился свет.

Сначала одна точка, потом десятки. Они складывались в длинную линию фонарей, уходящую в бесконечность. Между фонарями стояли старые вагоны, разбитые платформы и полуразрушенные здания, которых не могло быть ни на одной современной карте.

Поезд начал тормозить.

Костя схватил Веру за руку.

— Что бы ты ни увидела, не выходи.

— Почему?

— Потому что там нет станции.

— Но проводник сказал...

— Он всегда говорит то, что нужно услышать пассажиру.

Поезд остановился.

За окном была платформа, на которой стояли люди в старой одежде. Кто-то держал чемодан, кто-то — детскую игрушку, кто-то просто смотрел в пустоту. Их лица казались знакомыми, хотя Вера никогда не видела их раньше.

На стене висела табличка:

ЛИНИЯ № 0.

Ниже было написано:

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ПУТЬ.

Двери вагона открылись.

На платформе стоял мужчина в сером пальто.

Вера узнала его.

Тот самый человек, который появился в её детстве на станции «Дом». Тот, кто держал девочку за плечо. Тот, чьего лица она не смогла разглядеть.

Теперь он стоял совсем близко, и его лицо было совершенно обычным. Усталые глаза, прямой нос, короткие волосы. Он мог быть инженером, врачом, соседом по лестничной площадке. Человеком, которого встречаешь каждый день и не запоминаешь.

В руках он держал бумажный билет.

— Вера Андреевна, — произнёс он. — Наконец-то.

Она не ответила.

Мужчина улыбнулся.

— Ваш отец просил передать, что он ждёт вас на следующей станции.

Вера посмотрела на Костю.

Мальчик стоял неподвижно, словно окаменел.

— Кто вы? — спросила Вера.

— Проводник.

— Но проводник в поезде другой.

— В каждом поезде свой проводник.

— А вы?

Мужчина протянул ей билет.

— Я тот, кто встречает тех, кто возвращается.

Вера не взяла билет.

— Я никуда не возвращаюсь.

Мужчина посмотрел на неё с мягким сочувствием.

— Все так говорят на первой остановке.

Он отступил в сторону.

За его спиной стоял поезд — ещё один состав, чёрный, с узкими окнами. На переднем вагоне белой краской было написано:

ДОМ.

Вера почувствовала, как земля уходит из-под ног.

На платформе не было рельсов.

Не было путей, не было шпал, не было стрелок. Только гладкая чёрная поверхность, уходящая в туман.

И два поезда, стоящие напротив друг друга.

Один вёз пассажиров к морю.

Другой — домой.

Мужчина в сером пальто посмотрел на часы.

— У вас есть выбор, Вера Андреевна. Вы можете продолжить путь или вернуться туда, откуда начали.

— А если я не выберу?

Он улыбнулся.

— Тогда за вас выберут.

Двери первого поезда начали закрываться.

Костя потянул Веру за рукав.

— Пойдём!

Она не двигалась.

Впервые за всю поездку перед ней стоял не голос из-за двери, не воспоминание, не фотография. Перед ней были два пути, и каждый обещал то, чего она хотела больше всего.

Один — вернуть отца.

Другой — вернуться к жизни, в которой его никогда не было.

Вера посмотрела на мужчину.

— А вы знаете, что случилось с моим отцом?

Он кивнул.

— Знаю.

— Тогда скажите.

— Не здесь.

— Почему?

— Потому что здесь вы ещё можете отказаться.

Он протянул руку.

— Пойдёмте. Время заканчивается.

Вера посмотрела на билет в своей ладони.

На нём появилась последняя строка:

ПАССАЖИР № 14. ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО.

Она сжала бумагу.

Потом подняла голову и шагнула не к мужчине, не к поезду «Дом», а обратно в свой вагон.

Костя бросился следом.

Двери закрылись.

Поезд тронулся.

Мужчина остался на платформе. Он не пытался остановить их, не кричал, не махал руками. Только смотрел вслед, пока свет вагонов не исчез в тумане.

Вера стояла у окна и не отрывала взгляда от платформы.

На стене медленно проступила новая надпись:

СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА: МОРЕ.

Поезд набирал скорость.

Костя сел на пол и закрыл лицо руками.

— Ты не должна была возвращаться в вагон, — сказал он.

Вера посмотрела на него.

— Почему?

Он поднял голову.

— Потому что теперь он знает, что ты можешь отказаться.

— И что?

Костя сглотнул.

— Теперь он будет пытаться заставить тебя выбрать.

Вера села напротив него.

— Кто он, Костя?

Мальчик долго молчал.

Потом произнёс:

— Я не знаю его имени. Но я знаю, что он был первым пассажиром.

— Первым?

Костя кивнул.

— До тебя. До меня. До всех, кто сейчас едет в этом поезде.

— И куда он направляется?

Костя посмотрел на окно.

— Домой.

Вера почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Но если он был первым пассажиром, почему он встречает нас на станциях?

Костя покачал головой.

— Потому что он так и не доехал.

Поезд снова вошёл в темноту.

Вера открыла блокнот и записала:

Линия № 0 — не станция. Возможно, начало маршрута.

Потом добавила:

Пассажир, который не доехал.

Она закрыла блокнот.

На этот раз ей не хотелось немедленно искать объяснение. Ей нужно было немного времени, чтобы принять простую вещь: отец мог быть жив, но это не означало, что она сможет вернуть его таким, каким помнила.

И если поезд действительно вёз её к нему, то она должна была решить, что готова потерять ради этой встречи.

В коридоре раздались шаги.

Кто-то остановился у её купе.

Три коротких удара.

Вера посмотрела на дверь.

— Кто там? — спросила она.

Из-за двери раздался голос, которого она никогда прежде не слышала.

— Это Андрей Соколов. Ваш отец.

Вера закрыла глаза.

— Докажите.

Молчание.

Потом голос произнёс:

— Ты была права насчёт моря, Вера. Оно не синее.

Она перестала дышать.

— Оно чёрное.

Вера медленно подошла к двери.

— Почему?

За дверью тихо ответили:

— Потому что там отражается не небо.

Она положила ладонь на ручку.

И остановилась.

Потому что теперь знала: если откроет дверь, то, возможно, увидит отца.

Но если не откроет — никогда не узнает, кто именно её звал.

Продолжение второй главы следует.

Ручка под её ладонью была тёплой.

Вера убрала руку и отступила. За дверью не было слышно ни дыхания, ни шагов. Только ровный стук колёс, которого прежде не существовало.

Она вернулась к столу, взяла билет и снова прочла надпись на обороте.

Не верь человеку, который назовётся твоим отцом.

— Очень удобно, — сказала она. — А кому тогда верить?

Ответа не последовало.

Вера открыла блокнот и записала последние слова незнакомца. Потом нарисовала дверь, обозначила её положение относительно купе и поставила рядом вопросительный знак. Это было глупо, она понимала. Ни одна схема не помогла бы ей разобраться в происходящем, если само пространство вокруг подчинялось каким-то другим правилам.

Но карандаш в руке успокаивал.

Она успела начертить план вагона, когда поезд снова замедлился. На этот раз без предупреждения. За окном возникла станция с низким кирпичным зданием, двумя фонарями и скамейкой, на которой лежал чей-то забытый шарф.

Никакой таблички.

Никаких людей.

Только на стене здания висели часы.

23:17.

Вера подняла запястье.

Её часы показывали то же самое.

На столике тихо звякнул стакан. Вода в нём поднялась почти до края, хотя поезд стоял неподвижно. Затем поверхность успокоилась, и на дне проступило отражение чего-то белого.

Вера наклонилась.

Это была бумажная ракушка.

Она лежала на дне стакана, хотя ещё минуту назад там ничего не было. Маленькая, аккуратно сложенная из плотной бумаги, с тонкими линиями, похожими на прожилки настоящей раковины.

Вера достала её.

На внутренней стороне было написано:

Не все, кто ждёт тебя, хотят, чтобы ты приехала.

Она развернула бумагу.

Внутри оказался крошечный рисунок. Две девочки стояли на берегу. Одна держала банку с песком, другая — за руку маленького мальчика. Позади них возвышался мужчина, нарисованный без лица.

Вера перевернула рисунок.

На обороте стояла дата: 14 октября 2032 года.

День, когда исчез отец.

Она сложила бумагу обратно и убрала в карман.

Поезд снова тронулся.

На этот раз за окном не было темноты. Там медленно двигалась вода.

Вера долго смотрела на неё, пытаясь понять, почему волны шли не в ту сторону. Они не накатывали на берег, а уходили от него, словно море отступало, открывая дно. Между мокрыми

полосами песка виднелись ржавые рельсы. Они тянулись далеко за горизонт, туда, где вода сливалась с небом.

Вера достала блокнот.

Написала:

Море существует.

Подумала и зачеркнула.

Потом написала:

Я его видела.

Эту запись она оставила.

За окном возникло отражение её лица. На секунду ей показалось, что отражение смотрит не на неё, а куда-то за спину.

Вера обернулась.

Купе было пустым.

Она снова посмотрела в окно.

Отражение улыбалось.

Вера резко закрыла штору.

И впервые за всю поездку поняла, что боится не того, что может встретить впереди.

Она боялась того, что уже привезла с собой.

Вера не открывала штору до тех пор, пока поезд не набрал скорость.

Она сидела, обхватив ладонями холодную кружку, и смотрела на собственное отражение в тёмном стекле купейной двери. Отражение было обычным: усталое лицо, волосы, собранные в небрежный хвост, тёмные круги под глазами. Никакой улыбки.

Она даже высунула язык, проверяя, не запаздывает ли изображение, как это бывало раньше. Отражение повторило движение сразу.

— Отлично, — пробормотала Вера. — Теперь я ещё и разговариваю сама с собой.

— Это не самый плохой признак.

Она вздрогнула.

В дверях стояла женщина с картой. Та самая, которую Вера заметила в первом вагоне ещё до отправления. Вблизи она выглядела лет на тридцать пять, хотя в её лице было что-то неуловимо старое — не морщины, а выражение человека, которому давно не приходится удивляться.

На ней был тёмно-синий свитер, серые брюки и тяжёлые ботинки, покрытые белой пылью. Волосы коротко подстрижены, за левым ухом — маленький шрам. В руках она держала сложенную вчетверо бумажную карту.

— Вы всегда входите без стука? — спросила Вера.

— Нет. Только когда дверь открыта.

— Она была закрыта.

Женщина посмотрела на ручку.

— Значит, открылась.

— У вас есть имя?

— Есть.

— Вы собираетесь его назвать?

— А вы собираетесь назвать своё?

Вера посмотрела на неё с неприязнью.

— Я уже назвала.

— Проводнику. В билете. На станции. В разговоре с мальчиком. Вы довольно щедро раздаёте своё имя для человека, который боится, что его узнают.

— Вы подслушивали?

— Здесь трудно не слышать. В поезде стены тонкие, а некоторые пассажиры разговаривают так, будто хотят, чтобы их слышали.

Женщина вошла и села напротив, не дожидаясь приглашения.

— Меня зовут Лида.

Вера замерла.

Костя говорил о Лиде. О девушке, которая вышла на одной из остановок, услышав голос брата.

— Вы та самая Лида?

Женщина подняла глаза.

— Какая?

— Девушка, которая ехала с Костей. Вы хотели увидеть брата и вышли на третьей остановке.

Лида долго смотрела на неё, потом положила карту на стол.

— Он рассказал?

— Да.

— Значит, он всё ещё помнит меня.

Она произнесла это без радости. Скорее с облегчением, которое тут же стало тяжёлым.

— Вы не вышли? — спросила Вера.

— Вышла.

— Но вы же здесь.

— Я вернулась.

— Как?

Лида провела пальцем по краю карты.

— Вот это как раз то, о чём я не хочу рассказывать человеку, которого знаю десять минут.

— Мы можем обменяться информацией. Я расскажу, что знаю о маршруте, а вы — как вернулись.

— Вы почти ничего не знаете о маршруте.

— Я знаю, что он существует вопреки всем документам. Что поезд останавливается в местах, которых нет на картах. Что пассажиры слышат голоса умерших или пропавших людей. И что проводник не отвечает на вопросы прямо.

— Неплохо для первых нескольких часов.

— А вы?

Лида усмехнулась.

— А я знаю, что некоторые двери открываются не в то место, куда ведут.

Вера посмотрела на неё.

— Вы сейчас о вагоне, которого нет?

Улыбка Лиды исчезла.

— Костя показал вам дверь?

— Да.

— И вы слышали голос?

— Моей матери.

Лида опустила глаза.

Несколько секунд она молчала, затем взяла карту и развернула её на столике.

Это была не географическая карта в привычном смысле. На пожелтевшей бумаге были нарисованы железнодорожные линии, станции, стрелки и небольшие условные знаки. Но вместо названий городов стояли слова: «Дом», «Память», «Возвращение», «Берег», «Пустая платформа».

В самом центре красовался чёрный круг.

От него расходились четырнадцать линий.

— Что это? — спросила Вера.

— Карта маршрута.

— Она не похожа ни на одну железнодорожную схему.

— Потому что это не карта мест. Это карта остановок.

Лида достала карандаш и провела линию от чёрного круга к слову «Дом».

— Станции здесь не всегда расположены в одном порядке. У каждого пассажира свой маршрут. Иногда две остановки совпадают, иногда нет. Иногда человек видит одну станцию, а соседнее купе — другую.

— А чёрный круг?

— Начало.

— Начало чего?

— Линии.

Вера прищурилась.

— Вы знаете, что такое линия № 0?

— Нет.

— Тогда откуда карта?

— Я её нарисовала.

— По памяти?

— По тому, что видела.

Лида достала из кармана ещё один лист бумаги. На нём была схема станции с низким кирпичным зданием, двумя фонарями и скамейкой.

Вера узнала место, которое только что видела за окном.

— Это та станция, где было 23:17?

Лида кивнула.

— Вы тоже её видели?

— Да. Но у меня там никого не было.

— А у меня стоял брат.

Вера посмотрела на неё.

— Он жив?

— Не знаю.

— Как давно он пропал?

— Двенадцать лет назад.

Лида сказала это спокойно, но пальцы, которыми она придерживала карту, побелели.

— Ему было девятнадцать. Он работал на ремонтной бригаде, которая разбирала старые пути у северного побережья. Однажды не вернулся домой. В отчёте написали, что участок затопило, бригада эвакуировалась, а один сотрудник не числился в составе выехавших.

— То есть его не было в списках?

— Его не было в списках, потому что по документам он никогда не работал на этой линии.

— А вы помните, что он работал?

— Я помню его. Этого оказалось недостаточно.

Вера почувствовала неприятный холод в животе.

— Вы думаете, поезд может вернуть его?

— Я думала так двенадцать лет.

— А теперь?

Лида посмотрела на карту.

— Теперь я думаю, что поезд возвращает не людей. Он возвращает то, что мы оставили там, где они исчезли.

Вера вспомнила девочку на станции «Дом». Маленькое лицо, красное пальто, стеклянная банка с песком. Она не знала, была ли это память, но чувствовала, что если снова увидит девочку, то не сможет отвести взгляд.

— Что вы увидели на третьей остановке? — спросила она.

Лида сложила карту.

— Брата.

— И вышли?

— Да.

— А потом?

— Потом я поняла, что это не он.

— Но вы же его увидели.

— Я увидела человека, который помнил его лицо. Знал его голос, привычки, даже то, как он смеялся, когда хотел скрыть, что ему страшно. Но он не знал, как мой брат держал чашку. Не знал, что он никогда не ел яблоки с кожурой. Не знал, почему я перестала говорить с ним за неделю до исчезновения.

Лида отвела взгляд.

— Я вышла, потому что думала, что смогу объяснить ему всё это. Думала, что если скажу, он вспомнит себя.

— И что случилось?

— Он попросил меня остаться.

— А вы?

— Я осталась.

Она произнесла это почти беззвучно.

— На сколько?

— Не знаю. Там нет времени. Есть только ожидание.

Вера молчала.

— Я не помню, как вернулась, — продолжила Лида. — Однажды открыла глаза в купе, а поезд уже шёл. На столике лежала карта. Я не знала, кто её нарисовал. Потом заметила, что линии на ней меняются. Иногда появлялись новые станции. Иногда исчезали старые.

— И вы решили нарисовать карту заново?

— Я решила понять, куда едет поезд.

Лида подняла на Веру глаза.

— А потом увидела вас.

— Меня?

— На карте. На станции «Дом». Я не знала вашего имени, но знала, что вы выйдете на платформу и увидите ребёнка в красном пальто.

Вера почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Откуда?

— Не знаю.

— Вы могли знать это заранее?

— Я не знаю, что значит «заранее» в этом поезде.

Она свернула карту и убрала в карман.

— Но есть кое-что, что я знаю точно.

— Что?

— Если вы действительно хотите найти отца, не ищите его на конечной станции.

Вера нахмурилась.

— Почему?

Лида встала.

— Потому что он не там.

— Вы его видели?

Женщина остановилась у двери.

— Я видела человека, который называл себя вашим отцом. Он стоял на платформе, когда я возвращалась из своего воспоминания.

— И что он сказал?

Лида посмотрела на Веру.

— Он спросил, не видела ли я девочку с красным пальто.

Вера почувствовала, как у неё пересохло во рту.

— Что вы ответили?

— Что видела.

— И что он сделал?

— Заплакал.

Лида вышла из купе, оставив дверь открытой.

Вера ещё долго сидела неподвижно.

Потом достала блокнот и записала:

Лида — пассажирка, возвращалась с третьей остановки. Видела человека, называвшего себя моим отцом. Он искал девочку в красном пальто.

Она остановилась.

Ниже добавила:

Возможно, девочка — не воспоминание. Возможно, она и есть причина исчезновения отца.

Вера закрыла блокнот.

Впервые за всю поездку ей стало по-настоящему страшно не за себя.

Она боялась, что девочка на станции «Дом» всё ещё стоит под жёлтым фонарём, держит в руках банку с песком и ждёт, когда кто-нибудь наконец вернётся за ней.

И что этот кто-то — её отец.

Костя появился через несколько минут.

Он не постучал, а просто заглянул в купе, как будто проверял, осталась ли Вера на месте.

— Ты разговаривала с Лидой?

— Да.

— Она показала карту?

— Да.

Он вздохнул.

— Значит, она снова пытается всё исправить.

— Что исправить?

Костя сел напротив.

— То, что сделала на третьей остановке.

— Она не виновата, что вышла.

— Она сама так думает.

Вера посмотрела на него.

— Ты помнишь её брата?

— Да.

— Ты его видел?

Костя кивнул.

— Один раз.

— Как он выглядел?

— Как Лида. Только старше.

— Это всё?

— Нет. Он улыбался.

— И что в этом странного?

Костя поднял на неё глаза.

— Он улыбался так, будто не знал, что такое страх.

Вера не сразу поняла, что он имеет в виду.

— Может, он просто был счастлив её видеть.

— Может быть.

Костя пожал плечами.

— Но люди, которых мы встречаем на остановках, обычно помнят только то, что мы хотим от них услышать. Они не всегда помнят, кем были до этого.

Вера посмотрела на дверь.

— А проводник?

— Что проводник?

— Он тоже такой?

Костя задумался.

— Я не знаю.

— Ты давно здесь?

— Да.

— И ни разу не видел, чтобы он выходил из поезда?

— Видел.

— Куда?

Костя посмотрел на окно.

— На станцию.

— Какую?

— На ту, которой нет.

Вера устало провела ладонью по лицу.

— Костя, я пытаюсь понять, что происходит. Мне нужно хоть что-то, за что можно зацепиться.

Мальчик долго молчал, потом сказал:

— Тогда запомни одну вещь. В этом поезде никто не обязан говорить тебе правду. Но никто не может заставить тебя поверить.

Вера посмотрела на него.

— А если я сама хочу поверить?

Костя опустил глаза.

— Тогда ты уже проиграла.

Он поднялся и направился к двери.

— Подожди, — сказала Вера. — Ты ведь тоже кого-то ищешь?

Костя остановился.

— Нет.

— Тогда зачем ты здесь?

Он не обернулся.

— Потому что однажды я сел в поезд и не смог выйти.

— А что было до этого?

Костя медленно повернулся.

В его глазах было столько усталости, что Вера на секунду забыла, что перед ней ребёнок.

— Я не помню.

Он вышел.

Вера осталась одна.

За окном появилась тонкая полоса света. Она медленно расширялась, пока не превратилась в горизонт, над которым висело серое небо.

Море.

Вера подошла к стеклу.

На этот раз вода была не чёрной. Она казалась свинцовой, тяжёлой, покрытой короткими волнами. Вдалеке виднелись обломки зданий и ржавые опоры мостов. Между ними тянулись рельсы, уходящие прямо в воду.

Поезд шёл вдоль берега.

Вера смотрела на него, не веря своим глазам.

Она никогда не видела настоящего моря. Только записи, фотографии и старые фильмы. Но сейчас она знала, что это оно. Не потому, что вода была синей или шумела, а потому, что от неё исходило чувство огромного пространства, в котором человек не мог ничего контролировать.

Вера положила ладонь на стекло.

Вода за окном вдруг остановилась.

Волны замерли, словно кто-то выключил время. На поверхности моря появилась тонкая белая линия, уходящая к горизонту.

Рельсы.

Они лежали прямо на воде.

Вера отступила.

В этот момент поезд подал короткий гудок.

Из динамика раздался голос проводника:

— Уважаемые пассажиры, следующая остановка — «Память». Просьба подготовить билеты.

Вера посмотрела на свой билет.

На нём появилась новая строка:

СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА: ПАМЯТЬ.

Ниже — ещё одна:

ПАССАЖИР № 14. ДОПУСК К ВОСПОМИНАНИЮ ПОДТВЕРЖДЁН.

Вера сжала билет.

Она не знала, что ждёт её на следующей станции. Не знала, увидит ли снова отца, мать или девочку в красном пальто.

Но теперь она понимала, что поезд не просто показывает ей прошлое.

Он проверяет, готова ли она его принять.

Вера убрала билет в карман, открыла блокнот и написала последнюю строку:

На следующей станции я не выйду, пока не узнаю, кто меня ждёт.

Она закрыла блокнот и села у окна.

За стеклом море снова пришло в движение.

А где-то впереди, в тумане, медленно проступала табличка с названием станции.

ПАМЯТЬ.

Поезд начал тормозить задолго до того, как показалась платформа.

Вера почувствовала это по изменившемуся гулу под полом. Раньше он был ровным, почти незаметным, а теперь в нём появились перебои, будто состав двигался по рельсам, которые кто-то прокладывал прямо перед ним. Вода за окном потемнела. Белая линия на поверхности моря исчезла, и на её месте возникли огни — десятки маленьких жёлтых точек, уходящих в туман.

Станция.

Вера убрала блокнот во внутренний карман и проверила билет. Надпись «Память» никуда не исчезла. Под ней проступило ещё одно предупреждение:

НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ИСПРАВИТЬ СОБЫТИЕ.

Она нахмурилась.

— А если я не собираюсь ничего исправлять?
— Тогда тебе повезло, — сказал Костя из дверей.

Вера обернулась.

— Ты опять подслушиваешь?

— Я живу в поезде. Здесь особо нечем заняться.

Он выглядел бледнее обычного. На рукаве куртки темнело мокрое пятно, хотя в вагоне было сухо.

— Что случилось?

Костя посмотрел на своё плечо, будто только сейчас заметил пятно.

— Не знаю.

— Ты был на улице?

— Здесь нет улицы.

— Ты понимаешь, что я имею в виду.

Он помедлил.

— Иногда, когда поезд проходит мимо определённых мест, в вагоне становится сыро.

Проводник говорит, что это нормально.

— А ты ему веришь?

— Нет.

Костя подошёл к окну и посмотрел на огни.

— На станции «Память» лучше не смотреть на людей слишком долго.

— Почему?

— Потому что они могут заметить, что ты их видишь.

Вера хотела уточнить, что именно он имеет в виду, но поезд остановился.

На этот раз не было ни резкого торможения, ни скрежета. Состав просто перестал двигаться, словно кто-то выключил его вместе со всем окружающим миром.

Двери открылись.

На платформе стояла женщина в светлом пальто.

Вера узнала её сразу.

Мать.

Не больничная, не та, которую она помнила в последние месяцы жизни, с серой кожей и осунувшимся лицом. Эта женщина выглядела так, как выглядела в Вериных воспоминаниях о детстве: густые тёмные волосы, собранные на затылке, тонкие губы, чуть уставшие глаза. На ней было старое пальто с большими пуговицами, которое Вера помнила с начальной школы.

В руках мать держала бумажный пакет.

Из пакета торчал батон.

— Вера, — позвала она. — Иди сюда. Я купила хлеб.

Вера не двигалась.

Мать улыбнулась.

— Ты опять не поела перед работой? Я же говорила тебе, что нельзя жить на одном чае.

Вера почувствовала, как у неё сжалось горло.

Это была именно та интонация, с которой мать встречала её после вечерних смен, когда Вера ещё училась в университете и возвращалась домой поздно, голодная и злая на весь мир. Она помнила этот пакет, этот батон, даже маленькое пятно от масла на ручке.

— Мам, — прошептала она.

Костя стоял за её спиной.

— Не выходи, — сказал он.

— Я знаю.

Но Вера не отводила взгляда.

Мать сделала шаг ближе.

— Что ты стоишь? Замёрзнешь. Иди, я тебя провожу.

— Куда?

— Домой.

— Где он?

Мать удивлённо посмотрела на неё.

— Что?

— Дом. Где он?

Улыбка на лице женщины не исчезла, но стала неподвижной.

— Там, где мы всегда жили.

Вера покачала головой.

— Мы больше там не живём.

— Конечно живём. Ты просто давно не приходила.

Она подняла пакет.

— Я купила твой любимый хлеб.

Вера вспомнила, что никогда не любила батон. Она ела его только потому, что мать покупала его каждое утро, а выбрасывать еду в доме было запрещено.

— Ты ошиблась, — сказала Вера.

Мать наклонила голову.

— В чём, доченька?

— Я не люблю этот хлеб.

— Любишь.

— Нет.

— Ты всегда любила.

Вера почувствовала, как по коже пробежал холод.

Женщина улыбнулась чуть шире.

— Ты же помнишь, как мы завтракали перед школой? Ты сидела у окна, я резала хлеб, а папа...

Она замолчала.

Вера сделала шаг к двери.

— Что папа?

Мать опустила глаза на пакет.

— Папа уходил на работу.

— Нет. Что он делал за завтраком?

Женщина подняла голову.

— Что?

— Ты сказала, что мы завтракали втроём. Что делал папа?

Тишина.

За спиной Веры Костя медленно отступил.

Мать смотрела на неё, не моргая.

— Он читал газету, — наконец сказала она.

— У нас не было газет.

— Были.

— В 2040-х газеты не печатали уже много лет. А папа исчез в 2032 году.

Женщина стояла неподвижно.

Пакет в её руках начал темнеть, будто намокал изнутри. На бумаге проступили серые пятна. Батон исчез.

— Ты стала взрослой, — сказала мать. — Слишком взрослой для своего возраста.

— А ты не моя мать.

Слова прозвучали тихо, но Вера почувствовала, как они отозвались где-то в глубине вагона.

Женщина опустила пакет.

— Я могла бы быть ею.

— Но ты не она.

— Я помню всё, что ты хочешь вспомнить. Я могу вернуть тебе любой день. Любое слово. Любой вечер, когда ты плакала и думала, что никто не слышит.

Вера не ответила.

— Я могу вернуть тебе последний разговор с отцом, — продолжала женщина. — Ты ведь не помнишь его, правда?

Вера застыла.

Последний разговор.

Она помнила, как отец исчез. Помнила, что в тот день он ушёл из дома раньше обычного. Помнила, как мать стояла у окна, держа в руках чашку, и не обернулась, когда хлопнула дверь.

Но разговора с отцом она не помнила.

— Ты хочешь узнать, что он сказал тебе перед уходом? — спросила женщина.

Вера сжала билет.

— Да.

— Тогда выходи.

Костя схватил её за руку.

— Вера, не надо.

Она посмотрела на него.

— Ты говорил, что на станции можно встретить тех, кого потерял.

— Да.

— А если это действительно она?

Костя не ответил.

Вера снова посмотрела на мать.

— Что он сказал?

Женщина протянула руку.

— Подойди, и я расскажу.

Вера стояла неподвижно.

Она понимала, что это ловушка. Но ловушка была устроена не из страха, а из воспоминания, и потому казалась почти честной. Женщина не угрожала ей, не обещала вечную жизнь и не требовала немедленного решения. Она предлагала то, чего Вера хотела много лет: вернуть последний разговор с отцом.

— Скажи мне хотя бы одно, — попросила Вера. — Что он сказал перед тем, как уйти?

Женщина улыбнулась.

— Он сказал, что скоро вернётся.

Вера закрыла глаза.

Нет.

Это было неправильно.

Отец никогда не говорил «скоро вернусь». Он говорил: «Не жди меня к ужину», «Не забудь закрыть окно», «Если я задержусь, позвони Семёну Ильичу». Он не обещал того, в чём не был уверен.

Вера открыла глаза.

— Ты не знаешь его.

Улыбка женщины исчезла.

— Я знаю его лучше тебя.

— Тогда почему ты не можешь сказать, что он действительно сказал?

Женщина отступила.

Впервые в её лице появилось что-то похожее на злость.

— Потому что ты не хочешь слышать правду.

— Нет. Я хочу слышать её от человека, который действительно был рядом.

Двери начали закрываться.

Мать бросилась вперёд.

— Вера!

Она ударила ладонью по стеклу.

— Не уходи! Ты опять уходишь!

Вера смотрела на неё, не двигаясь.

— Ты уже оставляла меня одну! — крикнула женщина. — Ты обещала, что вернёшься!

Двери закрылись.

Поезд тронулся.

Женщина бежала вдоль платформы, пока её не скрыли туман и свет фонарей.

Вера стояла у окна, чувствуя, как дрожат колени.

Костя отпустил её руку.

— Ты справилась, — сказал он.

— Нет.

Она села на пол.

— Я просто не вышла.

Костя присел рядом.

— Иногда этого достаточно.

Вера закрыла лицо ладонями.

— Она знала слишком много.

— Они всегда знают много.

— Она знала, что я хочу услышать.

— Да.

Вера подняла голову.

— А если в следующий раз я не смогу отличить?

Костя посмотрел на неё.

— Тогда тебе придётся решить, что для тебя важнее. Увидеть человека или узнать, что с ним произошло.

Она долго молчала.

Потом достала блокнот и записала:

Станция «Память». Встреча с матерью. Лицо, голос и привычки совпадают. Детали прошлого — частично ложные. Не выходить.

Она остановилась.

Ниже написала:

Я не помню последнего разговора с отцом.

Вера посмотрела на эту строку.

Впервые за всю поездку она почувствовала не страх, а стыд. Не за то, что не вышла к матери, а за то, что действительно не помнила последнего разговора с отцом.

Она знала, что он ушёл. Знала, что больше не вернулся. Знала, что мать много лет ждала его звонка, а потом перестала ждать.

Но что он сказал ей в тот день?

Почему она не спросила?

Почему не попыталась запомнить?

Вера закрыла блокнот и убрала его в карман.

За окном медленно исчезали огни станции.

На стекле появилось отражение Кости, сидевшего рядом. Он смотрел на неё с неожиданной серьёзностью.

— Ты думаешь, что должна была его удержать, — сказал он.

Вера повернулась к нему.

— Что?

— Ты думаешь, что если бы запомнила последний разговор, то могла бы что-то изменить.

Она долго смотрела на мальчика.

— Откуда ты знаешь?

Костя пожал плечами.

— Потому что я тоже так думал.

— О ком?

Он опустил глаза.

— О маме.

Вера не стала спрашивать дальше.

Она поняла, что некоторые вопросы нужно задавать не тогда, когда хочется узнать ответ, а тогда, когда человек готов его произнести.

Поезд шёл дальше.

И впервые за всё время Вера не пыталась определить, сколько минут прошло с момента отправления.

Она просто сидела у окна и смотрела на море.

После станции «Память» поезд долго шёл без остановок.

Вера успела задремать, но сон получился неглубоким и тревожным. Ей казалось, что она лежит в собственной кровати, в квартире, где прошло её детство, и слышит, как отец ходит по кухне. Звякнула ложка о край чашки. Скрипнула дверца шкафа. Потом раздался его голос:

— Вер, ты опять не спишь?

Она хотела ответить, но не могла открыть рот.

— Не бойся, — сказал отец. — Я ненадолго.

Вера рванулась вперёд и проснулась.

Поезд всё ещё двигался. За окном было темно, а в стекле отражалась её собственная бледная физиономия. На соседнем сиденье лежал блокнот. Она не помнила, чтобы доставала его.

На раскрытой странице, под последней записью, появилась новая строчка.

Ты всё-таки помнишь.

Вера резко захлопнула блокнот.

— Костя?

Мальчика рядом не было.

Она поднялась, выглянула в коридор. Вагон казался пустым, хотя несколько минут назад в соседних купе слышались голоса. Теперь даже привычный стук колёс стал тише.

На двери купе висела табличка, которой раньше не было.

ПАССАЖИР БЕЗ МЕСТА.

Вера оглянулась на собственное купе. На её двери по-прежнему значилось: «14».

Она подошла к табличке и коснулась пальцами холодного металла. Буквы были настоящими, выпуклыми. Под ними обнаружилась узкая щель, словно табличку можно было выдвинуть из рамки. Вера потянула за край.

Табличка поддалась.

За ней оказался лист бумаги, сложенный вчетверо.

Вера развернула его.

Это был старый посадочный список. Бумага пожелтела, края потемнели, а в верхнем углу стоял штамп железнодорожного управления, которое прекратило существование ещё до её рождения.

В списке было четырнадцать фамилий.

Некоторые строки перечеркнули. Другие размыло водой. Напротив нескольких пассажиров стояли номера мест.

Вера быстро нашла свою фамилию.

Соколова Вера Андреевна — место 14.

Ниже, в самом конце списка, была ещё одна запись. Без номера места, без даты рождения, без отчества.

Соколов Андрей.

Рядом кто-то написал карандашом:

Не занимать. Место зарезервировано до возвращения.

Вера перечитала фразу дважды.

Потом перевернула лист. На обратной стороне обнаружилась короткая приписка, сделанная знакомым почерком. Она узнала его не сразу: рука дрогнула, когда она поняла, что видит записи отца.

Если Вера сядет в поезд, не позволяйте ей искать меня в списке. Я не пассажир.

Подпись отсутствовала.

Вера прислонилась к стене.

— Что значит «не пассажир»?

— Значит, он не ехал вместе с нами.

Голос прозвучал из глубины коридора.

Там стоял проводник.

Вера вздрогнула. Она не слышала его шагов, не заметила, как он появился. Форменная куртка была застёгнута до горла, на груди блестел небольшой металлический знак с нулём.

— Вы следили за мной? — спросила она.

— Я слежу за порядком.

— Тогда объясните, что это.

Она протянула ему список.

Проводник посмотрел на лист и впервые за всё время потерял свою безупречную невозмутимость. Его пальцы задержались на записи об Андрее Соколове.

— Где вы это нашли?

— На двери купе.

— Такого купе нет.

— Я только что стояла перед ним.

— Вы стояли перед дверью вагона.

— На ней написано «Пассажир без места».

Проводник сложил список пополам и вернул ей.

— Вам следует вернуться на своё место.

— Я хочу знать, почему мой отец есть в списке, если вы утверждаете, что он не пассажир.

— Я этого не утверждал.

— Вы сказали, что он не ехал вместе с вами.

— Это не одно и то же.

Вера почувствовала, как раздражение вытесняет страх.

— Вы все разговариваете загадками. Один говорит, что отец ждёт меня на следующей станции. Другой утверждает, что искать его там бесполезно. Теперь вы говорите, что он не пассажир. Мне нужны нормальные ответы.

Проводник молчал.

— Он жив? — спросила Вера.

На этот раз вопрос прозвучал иначе. Без вызова, без попытки заставить его признаться. Просто вопрос, который она боялась задать с момента, когда увидела билет.

Проводник посмотрел ей прямо в глаза.

— Я не знаю.

Вера не ожидала такого ответа.

— Вы возите людей неизвестно куда и не знаете, живы ли они?

— Я не вожу людей неизвестно куда. Я доставляю пассажиров туда, куда указывает их билет.

— А если билет ошибается?

— Билет не ошибается.

— Тогда почему на моём написано «Море», если вы даже не можете сказать, существует ли эта станция?

Проводник медленно выдохнул.

— Потому что море существует.

— Я видела его за окном.

— Значит, вы уже знаете больше, чем большинство пассажиров.

Он протянул руку.

— Отдайте список.

Вера прижала лист к груди.

— Нет.

— Он не принадлежит вам.

— Там фамилия моего отца.

— Именно поэтому вы должны его отдать.

Она отступила на шаг.

— Что случится, если я оставлю его себе?

— Ничего хорошего.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Проводник протянул руку ещё раз. Вера заметила, что на его ладони остался белый след от бумаги, словно лист был покрыт мелом.

— Послушайте, — сказала она. — Я не собираюсь выходить из поезда и не собираюсь мешать вашему расписанию. Мне нужно только понять, что произошло семнадцать лет назад.

Проводник опустил руку.

— Тогда запомните одну вещь, Вера Андреевна. Ваш отец не исчез в тот день, когда перестал возвращаться домой.

— А когда?

Он посмотрел в конец коридора, туда, где висела табличка.

— В тот день, когда вы его забыли.

Вера почувствовала, будто пол под ногами накренился.

— Я не забывала отца.

— Вы помните его лицо. Помните голос. Помните, как он держал вас за руку. Но вы не помните, что произошло на станции.

— На какой станции?

Проводник уже отворачивался.

— На той, которой нет на карте.

— Подождите!

Он остановился, но не обернулся.

— Вы сказали, что я его забыла. Почему?

— Потому что кто-то должен был остаться здесь, чтобы другой смог уйти.

— Кто?

Проводник помедлил.

— Вы сами знаете.

Он пошёл прочь.

Вера бросилась следом, но коридор оказался пустым. В дальнем конце качалась лампа, а двери купе были закрыты. На месте таблички «Пассажир без места» теперь висела обычная табличка с номером вагона.

Она вернулась к своему купе, заперла дверь и достала блокнот.

Ей хотелось записать всё, что сказал проводник, пока слова не начали расплываться в памяти. Но стоило коснуться ручкой бумаги, как она заметила, что на последней странице уже что-то написано.

Не её почерком.

14 октября 2032 года. 23:40.

Под датой была нарисована простая схема: две линии рельсов, маленькая платформа и две фигуры.

Одна высокая, другая совсем маленькая.

Над высокой фигурой стояло: «Андрей».

Над маленькой — «Вера».

Между ними была дверь.

А под рисунком — фраза:

Он попросил тебя подождать. Ты сказала, что не отпустишь его одного.

Вера отложила ручку.

В голове вспыхнуло что-то короткое, обрывочное: холодный воздух, запах железа, отцовская ладонь на её плече. Красный свет над дверью. Собственный детский голос, сорвавшийся на крик.

«Я тоже поеду!»

Она вцепилась в край стола.

Воспоминание исчезло так же внезапно, как появилось.

Но теперь она знала: это было не просто страшное место, которое её сознание придумало во сне. Она действительно когда-то стояла на платформе. Рядом с отцом. В ту самую ночь, когда он пропал.

И, возможно, именно она была последней, кто видел его перед исчезновением.

Вера перевернула страницу и написала крупными буквами:

ЧТО Я СДЕЛАЛА 14 ОКТЯБРЯ 2032 ГОДА?

Блокнот дрогнул у неё в руках.

За стеной раздался стук.

Три коротких удара.

Вера замерла.

Стук повторился.

На этот раз из коридора донёсся голос Кости:

— Вера? Открой. Пожалуйста.

Она подошла к двери, но не стала отпирать.

— Что случилось?

— Мне нужно тебе кое-что показать.

— Что?

— Я вспомнил, почему не могу выйти из поезда.

Вера посмотрела на билет. Под номером места 14 проступила новая строка:

НЕ ОТКРЫВАЙТЕ ДВЕРЬ ПАССАЖИРУ БЕЗ МЕСТА.

Она медленно отступила.

— Костя, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Отойди от двери. За ней стало тихо.

Потом мальчик заговорил снова. Только теперь его голос звучал совсем иначе — старше, ниже, с хрипотцой, которой у двенадцатилетнего ребёнка быть не могло.

— Вера Андреевна, пожалуйста. Я ведь знаю, что случилось с вашим отцом.

Вера перестала дышать.

— Кто ты?

С той стороны двери кто-то тихо рассмеялся.

— Тот, кого ваш отец оставил вместо себя.

И ручка двери медленно начала поворачиваться.

Ручка повернулась до упора.

Вера отступила от двери и сжала билет так крепко, что бумага смялась в кулаке. Она слышала собственное дыхание, глухой стук колёс и тихий скрип механизма за дверью. Кто-то пытался открыть её снаружи, хотя замок был заперт.

— Костя, отойди, — повторила Вера.

— Я не Костя.

Голос стал прежним — детским, тонким, почти жалобным.

— Тогда кто ты?

— Ты же знаешь.

Вера посмотрела на блокнот. На странице всё ещё стояла дата: 14 октября 2032 года. Под ней — рисунок двух фигур и двери.

Она вспомнила красный свет. Металлический пол под ногами. Отец стоял перед ней на корточках и застёгивал ей куртку. Его пальцы дрожали, хотя он старался улыбаться.

«Слушай меня внимательно, Верочка. Сейчас я открою дверь. Ты останешься здесь и будешь ждать Семёна Ильича. Он придёт за тобой. Поняла?»

Она плакала и мотала головой.

«Я с тобой!»

«Нет. Тебе нельзя туда».

«Почему?»

Отец долго смотрел на неё, словно хотел запомнить каждую черту лица.

«Потому что там время не идёт так, как у нас».

Тогда она не поняла. Ей было десять лет, и единственное, чего она боялась, — что отец снова уйдёт на работу и не вернётся к ужину.

Она схватила его за рукав.

«Тогда я буду ждать здесь. Только ты вернись».

Он поцеловал её в лоб.

«Я вернусь, если ты меня отпустишь».

Вера вздрогнула. Воспоминание оборвалось, но теперь она знала, что оно настоящее.

За дверью снова раздался стук.

— Вера, — позвал голос. — Ты вспомнила?

Она подошла к двери, но не прикоснулась к ручке.

— Да.

— Тогда открой.

— Нет.

— Ты обещала отцу, что дождёшься его.

— Я обещала ждать. Я не обещала открывать дверь тому, кто притворяется Костей.

Наступила тишина.

Потом снаружи слышались шаги. Медленные, тяжёлые. Они удалялись по коридору, хотя Вера не слышала, чтобы дверь открывалась.

Она подождала, пока шаги стихнут, и только тогда отперла замок.

В коридоре никого не было.

Но на полу лежал детский ботинок. Старый, тёмно-синий, с разорванной застёжкой. Вера узнала его мгновенно. Такой ботинок был на ней в ту ночь, когда отец исчез.

Она подняла его.

На внутренней стороне подошвы, выцветшими буквами, было написано её имя.

Вера Соколова.

А рядом — ещё одна надпись, которую она никогда раньше не видела:

ВОЗВРАТУ НЕ ПОДЛЕЖИТ.

Она присела на корточки, пытаясь осмыслить увиденное. Ботинок был холодным и влажным, словно его только что достали из морской воды. На полу за ним тянулся тонкий след соли.

След вёл к двери напротив.

К той самой, на которой несколько минут назад висела табличка «Пассажир без места».

Теперь на ней не было ни номера, ни надписи. Только узкая вертикальная полоса красной краски.

Вера вспомнила предупреждение Лиды о человеке, который может принять чужое лицо. Вспомнила слова проводника: «Ваш отец не исчез в тот день, когда перестал возвращаться домой».

Она поняла, что больше не может ждать, пока кто-нибудь объяснит ей происходящее.

Вера положила ботинок в карман пальто, достала билет и подошла к двери.

На бумаге проступила новая надпись:

ПАССАЖИР № 14. ДОПУСК К ЗАКРЫТОМУ ВАГОНУ ПОДТВЕРЖДЁН.

Под ней стояла цифра:

1.

Вера нажала на ручку.

Дверь открылась без звука.

За ней находился не вагон.

Перед ней лежала железнодорожная платформа, залитая тусклым красным светом. Вдоль рельсов стояли старые фонари, а дальше, за ними, темнело здание станции. На стене висели круглые часы со стрелками, остановившимися на 23:40.

Воздух пах мокрым железом, угольной пылью и морем.

Вера переступила порог.

Дверь за её спиной закрылась.

Она обернулась и увидела, что её больше нет. Только стена из серого металла, уходящая в темноту.

— Не бойся, — сказал знакомый голос.

Отец стоял у края платформы.

Он выглядел почти так, как Вера помнила его в детстве: тёмные волосы, немного сутулые плечи, глубокая складка между бровями. Только лицо казалось старше. Не на семнадцать лет — на все те годы, которые он провёл здесь, в месте, где время, возможно, действительно не двигалось привычным образом.

Вера не бросилась к нему.

Она боялась, что он исчезнет, если сделать хотя бы один неверный шаг.

— Папа?

Он улыбнулся.

— Привет, Верочка.

Вера почувствовала, как у неё задрожали губы.

— Ты жив?

Отец посмотрел на неё с такой болью, что она сразу поняла: ответ не будет простым.

— Я не знаю, как правильно ответить.

— Ты жив?

— Я помню, как дышал. Помню, как болело сердце, когда я оставлял тебя. Помню, как хотел вернуться. Если это и есть жизнь, значит, да.

Вера шагнула к нему.

— Почему ты не вернулся?

Он опустил голову.

— Потому что не смог.

— Ты обещал.

— Знаю.

— Я ждала тебя!

— Знаю, Верочка.

— Мама умерла, папа. Ты знал? Она ждала тебя много лет. А потом умерла, и я даже не смогла сказать ей, что ты...

Она замолчала.

Отец медленно протянул руку, но не коснулся её.

— Я не знал.

Вера посмотрела на его пальцы. На правой руке у него не хватало ногтя на большом пальце — он прищемил его дверцей инструментального шкафа, когда Вере было шесть. Эта маленькая деталь вдруг оказалась убедительнее любого сходства лица.

— Ты настоящий? — спросила она.

— Я надеялся, что ты узнаешь меня.

— Я не знаю, чему верить.

— И не надо верить сразу. Сначала послушай.

Он повернулся к зданию станции.

— Помнишь, что я сказал тебе перед тем, как ушёл?

— Ты велел ждать Семёна Ильича.

Отец кивнул.

— А потом?

Вера закрыла глаза.

— Я просила взять меня с собой.

— Да.

— Ты сказал, что там время не идёт так, как у нас.

— Да.

— А потом я пообещала ждать.

— Ты сказала, что не отпустишь меня одного.

Вера открыла глаза.

Теперь она помнила. Не всё, но достаточно, чтобы понять, почему эта фраза так долго преследовала её.

— Что произошло дальше?

Отец посмотрел на часы.

— Я открыл дверь. Ты побежала за мной. Я успел схватить тебя за руку, но поезд уже отходил.

Вера покачала головой.

— Я не помню.

— Тебе пришлось забыть.

— Кто заставил меня?

— Я.

Она отшатнулась.

Отец не пытался оправдаться.

— Ты была ребёнком. Ты увидела то, чего не должна была видеть, и я понял, что если оставлю тебе память об этой станции, она найдёт тебя снова. Я попросил её забрать воспоминание.

— Кого — её?

Он посмотрел на рельсы.

— Линию.

Вера не сразу поняла смысл этого слова.

— Ты говоришь о поезде?

— Нет. Поезд — только способ перемещения. Линия существует независимо от него. Она проходит там, где люди теряют друг друга, где не могут смириться с потерей, где продолжают ждать тех, кто никогда не вернётся. Иногда она позволяет найти дорогу. Иногда — подменяет то, что человек ищет.

— Значит, все эти люди...

— Каждый из них что-то потерял. Но не все потеряли одного и того же человека. Некоторые потеряли себя. Некоторые — собственное прошлое. А некоторые просто не смогли выбраться, когда пришло время.

Вера вспомнила Костю.

— А мальчик? Костя?

Отец посмотрел на неё.

— Какой Костя?

— Мальчик из вагона. Ему двенадцать. Он говорит, что не помнит, как сюда попал.

На лице отца что-то изменилось.

— Ты разговаривала с ним?

— Да.

— Он знает своё имя?

— Костя.

— Полное имя?

— Нет.

Отец медленно покачал головой.

— Не доверяй ему, пока не узнаешь, кто он.

— Почему?

— Потому что на этой линии нет случайных пассажиров.

Вера хотела задать следующий вопрос, но заметила, что отец смотрит куда-то за её спину.

Она обернулась.

На другом конце платформы стоял проводник. Рядом с ним — Костя.

Мальчик держал за руку человека в сером пальто.

Вера узнала его по фотографии из старого семейного альбома. Это был отец, но гораздо моложе — таким он был в день её рождения. Рядом с ним стояла маленькая девочка в красном пальто.

Сама Вера.

Проводник поднял руку, и часы над платформой начали двигаться.

23:39.

23:40.

23:41.

Отец схватил Веру за плечи.

— Слушай меня внимательно. Сейчас ты должна вернуться в поезд.

— Нет. Я только тебя нашла.

— Если ты останешься, Линия заберёт у тебя то, что я сумел сохранить.

— Что именно?

Он посмотрел ей в глаза.

— Твою жизнь за пределами этой станции.

Вера почувствовала, как внутри всё оборвалось.

— А ты?

— Я останусь.

— Нет.

— Вера...

— Я не оставляю тебя здесь второй раз!

Отец крепко сжал её плечи.

— Ты не оставляешь меня. Ты возвращаешься туда, где можешь жить.

— А ты?

Он ничего не ответил.

Вера поняла, что он снова просит её сделать то же самое, что и семнадцать лет назад: отпустить его.

Но теперь она была взрослой. Она могла спорить, могла отказаться, могла потребовать, чтобы он пошёл вместе с ней.

— Я найду способ, — сказала она. — Я вернусь за тобой.

Отец посмотрел на неё с печальной улыбкой.

— Именно этого я и боялся.

На платформе погасли фонари.

Вера услышала приближающийся гул. Из темноты вышел поезд — тот же самый, в котором она ехала, только окна его вагонов были совершенно чёрными.

Проводник открыл дверь первого вагона.

— Пассажир Соколова! Ваше время истекло!

Отец подтолкнул Веру к свету.

— Запомни главное. Я не ушёл от тебя. Я пытался вернуть того, кто не должен был оказаться на этой линии.

— Кого?

Но отец уже отступал.

— Ищи пассажира без места. Только не того, кто назовёт себя Костей.

Двери захлопнулись.

Вера оказалась в своём купе, на полу, рядом с ботинком и раскрытым блокнотом. Поезд двигался, за окном снова было море.

Она бросилась к двери, распахнула её и выбежала в коридор.

Костя стоял у окна.

Обычный двенадцатилетний мальчик в тёмной куртке. На его рукаве не было мокрого пятна. Он повернулся к Вере и улыбнулся.

— Ну что? — спросил он. — Встретила отца?

Вера остановилась в нескольких шагах от него.

— Нет.

Костя нахмурился.

— Как это?

— Я встретила человека, который выглядел как мой отец.

Улыбка мальчика исчезла.

Вера достала из кармана старый ботинок и показала ему надпись на подошве.

— Ты знаешь, что это значит?

Костя посмотрел на ботинок.

На мгновение его лицо стало чужим. Не злым, не испуганным — просто пустым, словно из него вынули всё, что делало его ребёнком.

Потом он снова улыбнулся.

— Нет, — ответил он. — Не знаю.

Вера кивнула.

— Хорошо.

Она вернулась в купе и закрыла дверь.

На билете появилась последняя строка:

СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА: ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Вера долго смотрела на неё.

Теперь она знала, что отец не просто исчез. Он остался на линии, чтобы исправить то, что произошло в ночь её десятилетия. И если она хотела добраться до него, ей предстояло найти пассажира без места.

Но самое страшное заключалось в другом.

Она больше не была уверена, что Костя — ребёнок.

Вера открыла блокнот и записала:

Отец жив — или что-то, что помнит себя моим отцом, осталось на линии. Он велел найти пассажира без места. Не доверять тому, кто назовётся Костей.

Она поставила точку.

Затем перевернула страницу.

На чистом листе уже стояло имя:

КОСТЯ СОКОЛОВ.

Вера медленно подняла голову.

Впервые за всю поездку она поняла, что, возможно, искала не того человека.

И что пассажир без места всё это время сидел рядом с ней.

Глава третья. Пассажир без места

Вера не спала до самого утра, хотя понятия не имела, наступило ли оно вообще.

Поезд шёл сквозь темноту, изредка пропуская мимо окон огни неизвестных станций. На некоторых платформах стояли люди. Они не пытались остановить состав, не махали руками, не бежали следом. Просто смотрели на вагоны с таким выражением, словно ждали, когда поезд наконец привезёт им то, что давно обещал.

Вера старалась не разглядывать их.

Перед ней на столике лежал блокнот. Страница с именем «Костя Соколов» была вырвана не полностью: вдоль корешка осталась узкая полоска бумаги. Вера помнила, что не писала это имя. Помнила и то, что отец произнёс имя Кости с тревогой, но не объяснил, почему нельзя ему доверять.

Она снова посмотрела на запись.

Костя Соколов.

Фамилия отца.

Её фамилия.

Совпадение? В поезде, который ходил по несуществующей линии и останавливался в местах, которых не было на картах, слово «совпадение» уже звучало насмешкой.

Вера открыла архив на телефоне. Сеть по-прежнему отсутствовала, но документы, сохранённые до отправления, оставались доступными. Она нашла старую фотографию отца — ту самую, из семейного альбома, которую мать когда-то оцифровала для семейного архива.

Андрей Соколов стоял возле железнодорожного депо в рабочей куртке. Ему было около тридцати пяти. Он щурился на солнце, одной рукой придерживая Веру, совсем маленькую, на плечах. Девочка смеялась и тянула его за волосы.

Вера увеличила изображение.

На заднем плане виднелась табличка с номером ремонтного участка. Она никогда прежде не обращала на неё внимания. Теперь цифры показались знакомыми: 00.

Она увеличила ещё сильнее, но качество снимка не позволило разобрать надпись под номером.

Вера открыла свойства файла. Фотография была сделана 18 августа 2032 года, меньше чем за два месяца до исчезновения отца.

Она долго смотрела на маленькую себя.

Потом открыла заметки и написала: «Костя Соколов. Проверить связь с отцом. Не верить внешности. Не верить памяти без подтверждений».

Слова выглядели нелепо. Так мог бы писать человек, который расследует исчезновение родственника, а не едет в поезде, где собственные воспоминания способны появляться на бумаге без его участия.

За дверью послышались шаги.

Вера убрала телефон и замерла.

Шаги остановились у её купе.

— Вера? — позвал Костя.

Она не ответила.

— Я знаю, что ты не спишь.

Она посмотрела на дверь. Ручка оставалась неподвижной.

— Мне нужно с тобой поговорить, — продолжил мальчик. — Пожалуйста.

— О чём?

— О том, что ты видела на станции.

Вера села ровнее.

— Ты ведь говорил, что не помнишь, как попал в поезд.

— Так и есть.

— Тогда откуда ты знаешь, что я была на станции?

За дверью наступила пауза.

— Проводник сказал.

— Когда?

— Недавно.

— Где?

— В коридоре.

Вера усмехнулась без веселья. Проводник не любил рассказывать пассажирам о чужих остановках. По крайней мере, ей он ничего не говорил, пока она сама не находила очередную неприятность.

— Костя, отойди от двери.

— Ты мне не веришь?

— Я пока не знаю, кому верить.

— А своему отцу ты веришь?

Вера почувствовала, как напряглись плечи.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что он тоже просил тебя не доверять мне.

Она медленно поднялась.

— Откуда ты это знаешь?

— Открой, и я объясню.

Вера подошла к двери, но не стала поворачивать замок.

— Сначала ответь.

— Я не могу говорить через дверь.

— Почему?

— Потому что поезд слушает.

Вера посмотрела на вентиляционную решётку над дверью. За ней тихо гудел воздух.

— А если я открою, он перестанет слушать?

— Нет. Но хотя бы смогу показать тебе кое-что.

Вера помедлила, затем сняла цепочку и приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы видеть коридор.

Костя стоял один. На нём была та же тёмная куртка, рукава которой казались чуть длиннее, чем нужно. В руках он держал маленький металлический предмет.

— Что это? — спросила Вера.

Он протянул руку.

На ладони лежал старый железнодорожный жетон. Круглый, потемневший, с выбитым нулём и четырнадцатью маленькими насечками по краю.

Вера не взяла его.

— Где ты это нашёл?

— У себя.

— В купе?

— У меня нет купе.

— Тогда где?

Костя посмотрел ей в глаза.

— Я проснулся с ним в руке. Не здесь. Раньше.

— Когда?

— Не помню.

Вера уже собиралась закрыть дверь, но заметила на обратной стороне жетона две буквы: «А. С.».

И ниже — дату.

14.10.2032.

Она распахнула дверь.

— Откуда у тебя вещь моего отца?

Костя сжал жетон в кулаке.

— Я не знаю, чей он.

— Там его инициалы!

— Я умею читать, Вера.

Впервые за всё время в его голосе прозвучало раздражение. Не детская обида, а усталость взрослого человека, которому задают один и тот же вопрос, на который он не может ответить.

— Ты хочешь, чтобы я всё объяснил, — сказал он. — Но я сам не знаю, что со мной произошло. Я помню только отдельные вещи. Иногда мне снится станция. Иногда я слышу, как кто-то зовёт меня по имени. А иногда я просыпаюсь и понимаю, что забыл целый день, которого, возможно, никогда не было.

Вера внимательно смотрела на него.

— Как давно ты в поезде?

— Не знаю.

— Сколько тебе лет?

Костя отвёл взгляд.

— Двенадцать.

— Ты уверен?

— Я выгляжу на двенадцать.

— Это не одно и то же.

Он долго молчал.

— Я помню свой двенадцатый день рождения, — наконец сказал он. — Но не помню, сколько времени прошло после него.

Вера посмотрела на жетон.

— Ты когда-нибудь слышал имя Андрей Соколов?

— Нет.

— А имя Вера?

Костя поднял глаза.

— До этой поездки — нет.

Он сказал это слишком быстро.

Вера заметила, как пальцы мальчика сильнее сжали жетон.

— Покажи руку.

— Зачем?

— Пожалуйста.

Он нехотя разжал ладонь. На коже, прямо под жетоном, остался красный круг, будто металл долго лежал на одном месте. Но по краю круга виднелись тонкие белые линии, похожие на старые шрамы.

Вера знала такие шрамы. Она видела их у отца после аварии на ремонтном участке. Тогда металлический трос сорвался с крепления и рассёк ему ладонь. Отец не хотел ехать в больницу, и мать сама зашивала ему рану, пока он сидел на кухне и ругался на начальство.

У Кости шрамы располагались точно так же.

Вера отступила.

Мальчик заметил её взгляд и быстро спрятал руку за спину.

— Что?

— Ничего.

— Ты узнала что-то?

— Нет.

Она солгала, и он, кажется, понял это.

— Ты тоже не доверяешь мне, — сказал Костя.

— Я тебя почти не знаю.

— А я тебя знаю.

У Веры пересохло во рту.

— Откуда?

Костя посмотрел на неё с выражением, которое совершенно не подходило его лицу.

— Ты в детстве боялась темноты, но никому не говорила. Оставляла свет в ванной и делала вид, что забыла выключить. Когда отец задерживался, ты садилась у входной двери и считала шаги на лестнице. Ты ненавидела, когда тебя называли Верочкой при посторонних, но отцу разрешала.

Вера не могла пошевелиться.

Это были не общие воспоминания, не случайные догадки. Такого не знали ни её коллеги, ни друзья, ни даже бывший муж. Мать умерла, не успев рассказать кому-то эти мелочи, а отец исчез, когда Вера была ребёнком.

— Кто ты? — прошептала она.

Костя опустил глаза на жетон.

— Я пытаюсь вспомнить.

В конце коридора раздался звонок.

Один короткий, металлический звук.

Костя побледнел.

— Тебе надо вернуться в купе, — сказал он.

— Что это было?

— Объявление.

— Ничего не объявили.

— Пока нет.

Он сунул жетон в карман и быстро пошёл к концу вагона.

— Костя!

Мальчик не обернулся.

Через несколько секунд в динамиках раздался голос проводника:

— Уважаемые пассажиры. Через пять минут поезд прибывает на станцию «Возвращение». Просим не оставлять личные вещи без присмотра. Пассажирам, чьи билеты не содержат номера места, необходимо оставаться в вагонах до отдельного распоряжения.

Вера посмотрела на свой билет.

На нём всё ещё значилось место 14.

Но ниже появилась ещё одна строчка:

ПАССАЖИР БЕЗ МЕСТА ОБНАРУЖЕН.

Вера перечитала надпись.

Затем посмотрела в сторону, куда ушёл Костя.

Она не знала, был ли он тем, кого искала. Но впервые у неё появился предмет, который можно было проверить, — жетон с инициалами отца и датой его исчезновения. Если жетон настоящий, значит, Костя каким-то образом был связан с той ночью. Если подделка — кто-то намеренно подталкивал её к мальчику.

Оба варианта были опасны.

Но теперь отступать было поздно.

Станция «Возвращение» встретила их запахом мокрой земли.

Вера стояла у окна, когда поезд начал замедляться. За стеклом тянулась длинная платформа, освещённая редкими лампами. На стене вокзала висело расписание, напечатанное на бумаге, хотя все остальные станции, которые она видела, казались заброшенными десятилетиями.

Люди ждали поезд.

Не призраки, не размытые силуэты, не неподвижные фигуры в тумане. Обычные люди в куртках, с сумками, с пакетами из магазинов. Мужчина курил возле колонны. Девушка читала книгу. Пожилая женщина держала на коленях корзину с яблоками.

Вера почувствовала почти физическое облегчение. Здесь всё выглядело настолько нормально, что ей захотелось выйти, купить кофе в привокзальном автомате и позвонить кому-нибудь из знакомых. Рассказать, что она задерживается. Услышать голос человека, который живёт в том же мире, что и она.

Поезд остановился.

Никто из пассажиров не спешил к дверям.

— Можно выходить? — спросила Вера у мужчины, сидевшего напротив в проходе.

Она раньше не видела его в вагоне. На вид ему было около пятидесяти. Светлая рубашка, тёмный пиджак, небольшая сумка на коленях. Лицо усталое, но совершенно обычное.

— Если есть куда, — ответил он.

— А вы выходите?

— Я уже выходил.

Он посмотрел на платформу.

— Несколько раз.

— И что?

Мужчина пожал плечами.

— Возвращался.

— На эту станцию?

— В свою жизнь.

Вера нахмурилась.

— Вы можете объяснить нормально?

— Могу. Но это ничего не изменит.

Он поднялся, взял сумку и направился к двери. Перед выходом обернулся.

— Если увидите человека, которого оставили, не торопитесь к нему. Сначала вспомните, почему вы ушли.

Он ступил на платформу и исчез среди ожидающих.

Вера подошла к окну. Мужчина шёл вдоль стены вокзала, не оглядываясь. Потом свернул за угол и пропал из виду.

В ту же секунду динамик ожил.

— Пассажиры, следующие до конечной станции «Море», могут покинуть вагон только по персональному приглашению. Самостоятельный выход запрещён.

Вера посмотрела на дверь.

На этот раз она не собиралась нарушать запрет. Ей нужно было понять, кто такой Костя и почему его имя появилось в её блокноте. Возможно, на этой станции она найдёт документы, записи или людей, которые помогут разобраться.

Но для этого требовалось выйти.

Вера достала билет. Бумага была тёплой, словно её долго держали в ладони.

На обратной стороне появилась новая надпись:

ПАССАЖИР № 14. ДОСТУП К АРХИВУ ВОЗВРАЩЕНИЙ РАЗРЕШЁН.

Она ещё раз прочитала фразу.

Архив.

Это уже было похоже на место, где хранились сведения, а не на очередную ловушку с чужими лицами.

Двери вагона открылись.

Вера вышла на платформу.

Первое, что она заметила, — отсутствие ветра. Поезд стоял под открытым небом, но воздух был неподвижным. Даже дым от сигареты мужчины у колонны не поднимался вверх, а висел в пространстве тонкой серой полосой.

Второе — часы над входом в вокзал.

Они показывали 23:40.

Вера взглянула на телефон. На экране стояло 00:17.

Семнадцать минут разницы.

Она убрала телефон и пошла к зданию вокзала.

Внутри было тепло. За стойкой информации сидела женщина в синей форме. На стене висела карта железнодорожных линий, но все названия станций были закрыты белыми полосами. В дальнем конце зала работал буфет. За столиком двое мужчин играли в шахматы.

Вера остановилась у стойки.

— Подскажите, где находится архив?

Женщина подняла глаза.

— Какой именно?

— Архив возвратов.

Лицо сотрудницы изменилось. Она посмотрела на билет, который Вера держала в руке, затем нажала кнопку под стойкой.

— Пройдите в коридор направо. Третья дверь. Вам помогут.

— А как туда попасть обратно в поезд?

— Поезда отсюда не уходят.

Вера нахмурилась.

— Что значит не уходят? Я только что приехала.

— Вы прибыли, — спокойно поправила женщина. — Это не одно и то же.

— Тогда как мне вернуться?

— Если у вас есть обратный билет, вас вызовут.

— А если нет?

Женщина отвела взгляд к монитору.

— Следующий вопрос.

Вера поняла, что больше ничего не добьётся. Она пошла по коридору, считая двери.

Первая была заперта. На второй висела табличка «Служебное помещение». Третья оказалась приоткрыта.

За ней находилась небольшая комната с рядами металлических шкафов. Вдоль стен стояли столы, на которых лежали папки, журналы и коробки с документами. В центре помещения за старым компьютером сидел худой мужчина в очках.

Он не поднял головы, когда Вера вошла.

— Фамилия?

— Соколова. Вера Андреевна.

Мужчина застучал по клавиатуре.

— Год рождения?

— 2022.

— Цель обращения?

Вера замялась.

— Я ищу сведения об отце. Он исчез в 2032 году. Андрей Соколов, железнодорожный инженер.

Мужчина перестал печатать.

— Подтвердите родство.

— Чем?

Он протянул руку.

Вера достала телефон, открыла фотографию отца и показала ему.

Мужчина посмотрел на экран, затем на Веру.

— Недостаточно.

— У меня есть документы.

— Документы подтверждают родство в вашей системе. Здесь другая процедура.

— Какая?

— Воспоминание.

Вера решила, что ослышалась.

— Простите?

— Вы должны подтвердить, что действительно помните человека, которого ищете. Не фотографию, не запись, не чужой рассказ. Собственное воспоминание.

— Как я должна это сделать?

Мужчина выдвинул ящик, достал небольшую металлическую коробку и поставил перед ней.

— Положите руку на крышку и расскажите о нём то, что никто другой не мог знать.

Вера посмотрела на коробку.

— А если я ошибусь?

— Тогда архив не сможет вам помочь.

— А если я не захочу участвовать в этой процедуре?

— Тогда вы можете вернуться на платформу.

— И сесть в поезд?

— Если поезд примет вас обратно.

Вера медленно положила ладонь на крышку.

Металл оказался неожиданно тёплым.

— Мой отец, — начала она, — не любил сладкий чай. Он говорил, что сахар портит вкус. Но когда я болела, всегда приносил мне чай с двумя ложками мёда, хотя сам мёд терпеть не мог.

Мужчина слушал молча.

— Он чинил вещи, которые другие выбрасывали. Радиоприёмники, часы, игрушки. У него была привычка проверять карманы перед стиркой, потому что однажды он постирал вместе с рабочей курткой целую пачку денег. Мама потом неделю сушила купюры на кухне.

Она улыбнулась, вспоминая.

— Он всегда оставлял последнюю конфету мне, даже если говорил, что не любит сладкое. И когда я боялась темноты, он не говорил, что чудовищ не существует. Он садился рядом и объяснял, что если кто-то прячется под кроватью, то ему, наверное, тоже страшно.

Вера замолчала.

Перед глазами возникла кухня, тёплый свет над столом, руки отца, испачканные машинным маслом. Она вспомнила, как он однажды принёс домой старый железнодорожный фонарь и поставил его на подоконник.

«Зачем он нам?» — спросила тогда Вера.

«Чтобы ты знала, где заканчивается дорога», — ответил отец.

Она никогда не понимала этой фразы.

Теперь поняла, что не понимает её до сих пор.

Металлическая коробка щёлкнула.

Мужчина открыл крышку и достал маленькую карточку.

На ней было написано:

СОКОЛОВ АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ.

Ниже стоял номер дела: 000014.

— Запись найдена, — сказал архивист. — Но доступ ограничен.

— Почему?

— Потому что ваш отец не числится пропавшим.

Вера уставилась на него.

— Что?

— В архиве он значится как пассажир, совершивший переход без завершения маршрута.

— Что это означает?

— Что он не вернулся туда, откуда отправился.

— Это я и так знаю.

— Нет, — сказал мужчина. — Вы знаете, что он не вернулся домой. Это другое.

Он повернул монитор к ней.

На экране была запись, сделанная 14 октября 2032 года в 23:40.

СОКОЛОВ АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. ВЫХОД НА ЛИНИЮ № 0.

Ниже — отметка, поставленная через несколько секунд:

СОПРОВОЖДАЮЩИЙ: СОКОЛОВА ВЕРА АНДРЕЕВНА.

Вера почувствовала, как кровь отливает от лица.

— Это невозможно.

Архивист снял очки и протёр стёкла.

— Для этой станции — нет.

— Мне было десять лет. Я не могла сопровождать его на какой-то линии. Я осталась дома.

— Вы уверены?

Вера хотела ответить сразу, но не смогла.

Она помнила, как стояла на платформе. Помнила, как держала отца за рукав. Помнила, что не хотела отпускать его.

Но она не помнила, чем всё закончилось.

— Что означает «сопровождающий»? — спросила она.

Архивист снова надел очки.

— Человек, который проходит вместе с пассажиром часть маршрута.

— А потом?

— Обычно возвращается.

— А если не возвращается?

Мужчина закрыл окно на экране.

— Тогда его считают пассажиром.

Вера встала.

— Значит, я тоже была на этой линии?

— Судя по записи, да.

— И что со мной произошло?

Архивист посмотрел на неё поверх очков.

— Вы вернулись.

— Почему я ничего не помню?

— Это не входит в компетенцию архива.

— А в чью входит?

— Пассажира без места.

Вера замерла.

Мужчина произнёс эти слова совершенно буднично, словно назвал номер кабинета.

— Кто он?

— Мы не знаем.

— Но вы можете найти его?

— Мы можем найти запись о нём. Самого человека — нет.

Архивист открыл другой файл.

На экране появилась пустая строка, в которой вместо фамилии стоял прочерк. Номер места отсутствовал. Дата прибытия была указана, дата отправления — нет.

ПАССАЖИР БЕЗ МЕСТА.

Под записью значилось:

Последний раз замечен в вагоне № 2. Сопровождает пассажира № 14.

Вера медленно села.

— Это Костя?

— Кто?

— Мальчик. Двенадцать лет. Тёмная куртка, тёмные волосы. Он ездит со мной.

Архивист смотрел на экран.

— В списках пассажиров вашего вагона ребёнка нет.

— Но я с ним разговаривала.

— Я не сомневаюсь.

— Тогда почему его нет?

— Потому что у него нет места.

Вера вспомнила жетон с четырнадцатью насечками. И шрамы на ладони мальчика, такие же, как у отца.

— У вас есть фотография пассажира без места?

Архивист покачал головой.

— Лица на записи не сохраняются.

— Почему?

— Потому что он не должен быть опознан.

Вера посмотрела на экран, где пустая строка продолжала мигать.

— А если его опознать?

Мужчина долго не отвечал.

— Тогда он сможет вернуться.

— Куда?

— Туда, откуда его забрали.

— А если он не хочет возвращаться?

Архивист закрыл файл.

— Тогда он останется пассажиром без места.

Вера поднялась.

— Мне нужно увидеть исходную запись. Не сводку, не выписку. Всё, что у вас есть о моём отце.

— Это запрещено.

— Почему?

— Потому что вы уже однажды видели её.

Вера посмотрела на него.

— Когда?

— В ночь исчезновения Андрея Соколова.

Она почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Я была ребёнком.

— Да.

— Я ничего не могла понять.

— Возможно.

— Тогда покажите мне запись.

Архивист долго смотрел на неё, потом поднялся и подошёл к самому дальнему шкафу. Он достал тонкую папку с красной полосой и положил её на стол.

— Я не должен этого делать.

— Но делаете.

— Потому что в архиве появились изменения.

Он открыл папку.

Внутри лежала фотография старой платформы. На ней стояли трое: Андрей Соколов, маленькая девочка в красном пальто и человек, чьё лицо было закрыто тенью.

Вера перевернула снимок.

На обороте отцовским почерком было написано:

Если она вернётся, не говорите ей, что я остался ради неё.

Вера подняла глаза.

— Ради меня?

Архивист молча достал следующий лист.

Это была копия служебного рапорта от 15 октября 2032 года. Текст расплылся, но отдельные строки читались отчётливо:

...несанкционированное открытие перехода...

...ребёнок пересёк границу платформы...

...пассажир Соколов Андрей Петрович добровольно отказался от возвращения...

И последняя строка:

...в целях сохранения маршрута воспоминания сопровождающего пассажира Соколовой

В. А. подлежат изъятию.

Вера перечитала её.

Потом ещё раз.

— Изъятию, — произнесла она. — Вы забрали мои воспоминания?

— Не мы, — ответил архивист. — Линия.

— Это просто слово. Кто это сделал?

— Я не знаю.

— Вы храните документы об этом, но не знаете?

— Архив хранит то, что было записано. Он не объясняет, почему это произошло.

Вера сжала лист.

Она вспомнила мать, которая никогда не рассказывала о последнем вечере отца. Не потому, что не хотела. Возможно, потому, что сама не знала всей правды. Вспомнила, как после исчезновения Андрея в квартире сменили замки, как мать выбросила его рабочую куртку, как однажды ночью Вера проснулась от звука плача за стеной и услышала, как мать шепчет: «Ты обещал».

Тогда Вера решила, что мать говорит во сне.

Теперь она уже не была уверена.

— Можно мне забрать копию?

— Нет.

— Тогда хотя бы сфотографировать.

— Здесь не работают камеры.

Вера достала телефон. Экран загорелся, но изображение на нём пошло рябью. На фотографии платформы человек без лица медленно повернул голову.

Вера отшатнулась и уронила телефон.

Архивист быстро захлопнул папку.

— Не смотрите на неё дольше необходимого.

— Вы видели это?

— Да.

— Кто этот человек?

— Я не знаю.

— Хватит! — Вера ударила ладонью по столу. — Вы все здесь чего-то не знаете, но почему-то уверены, что имеете право решать, что мне можно видеть, а что нельзя!

Архивист не возразил.

Он поднял её телефон, положил рядом и тихо сказал:

— Ваш отец тоже так кричал.

Вера замолчала.

— Он требовал показать ему все записи. Хотел найти способ вернуть вас. Но когда понял, что это невозможно, попросил закрыть дело.

— Почему?

— Потому что вы уже вернулись. Он не хотел, чтобы вас снова забрали.

Вера опустила на стул.

— Значит, он остался здесь, чтобы я могла жить?

— Так записано в рапорте.

— А Костя?

Архивист посмотрел на неё.

— Если этот мальчик действительно пассажир без места, он может быть связан с вашим отцом. Но это только предположение.

— Как мне его найти?

— Вернитесь в вагон номер два.

— И что дальше?

— Не спрашивайте его, кто он. Спросите, что он помнит о последней станции.

Вера забрала папку, но архивист удержал её за край.

— Оригинал останется здесь.

Она отпустила папку.

— Тогда скажите мне хотя бы одно. Почему билет выбрал меня сейчас, спустя семнадцать лет?

Мужчина посмотрел на часы.

Стрелки показывали 23:40.

— Потому что кто-то открыл переход.

— Кто?

— Возможно, вы.

Вера хотела спросить, что это значит, но в коридоре прозвучал громкий сигнал. Свет мигнул, а из динамика донёсся голос проводника:

— Пассажир Соколова, немедленно вернитесь на платформу. Посадка заканчивается.

Архивист побледнел.

— Вам нужно уходить.

— Я ещё не закончила.

— А поезд уже закончил ждать.

Вера схватила телефон и побежала к выходу.

У двери она обернулась.

— Как вас зовут?

Мужчина посмотрел на неё так, словно вопрос застал его врасплох.

— Здесь это не имеет значения.

— Для меня имеет.

Он помедлил.

— Павел. Павел Михайлович.

— Вы давно работаете в архиве, Павел Михайлович?

— Достаточно давно.

— Вы когда-нибудь видели море?

Он посмотрел на неё с грустью.

— Только на фотографиях.

Вера вышла в коридор.

Когда она добралась до платформы, поезд уже закрывал двери. Проводник стоял у входа в вагон и смотрел на неё с явным раздражением.

— Вы опоздали.

— Но поезд ещё здесь.

— Поезд — да.

Он протянул руку.

— Билет.

Вера отдала его.

Проводник провёл пальцем по бумаге, и надписи на ней изменились. Строка о доступе к архиву исчезла. Вместо неё появилась новая:

ПАССАЖИР № 14. ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО.

— Что это значит? — спросила Вера.

— Что вам не следовало покидать вагон без разрешения.

— Мне разрешили доступ к архиву.

— Вам разрешили получить сведения. Это не означало, что вы можете покинуть поезд.

— Какая разница?

Проводник вернул билет.

— Разница в том, что теперь поезд не обязан доставлять вас обратно.

Двери закрылись.

Вера вцепилась в поручень. За окном платформа медленно поплыла назад. Люди продолжали стоять на своих местах, словно ничего не произошло. Мужчина у колонны всё ещё курил. Девушка всё ещё читала книгу. Пожилая женщина с корзиной яблок даже не подняла головы.

На мгновение Вера увидела Павла Михайловича. Он стоял у окна архива и смотрел на неё. В руках у него была красная папка.

Он поднял её и приложил к стеклу.

На обложке крупно стоял номер:

000013.

Вера прижалась к окну.

Тринадцать.

Номер перед её собственным.

Она успела заметить ещё одну надпись, прежде чем здание вокзала исчезло в тумане.

Пассажир без места.

В вагоне было тихо. Пассажиры сидели по своим купе, никто не выходил в коридор. Вера прошла к своему месту и увидела, что дверь приоткрыта.

На столике лежал жетон Кости.

Рядом — сложенный лист бумаги.

Вера закрыла дверь, села и развернула записку.

Почерк был неровным, но она узнала его сразу. Такой почерк у Кости появлялся, когда он торопился.

Если ты это читаешь, значит, я уже ушёл.

Вера почувствовала, как сжалось сердце.

Не ищи меня в вагоне. Не ищи меня на станции. И не верь человеку, который будет говорить, что я твой брат.

Она перечитала последнюю строчку.

Брат.

Вера медленно положила записку на стол.

Под ней обнаружилась ещё одна бумага — маленькая карточка с фотографией. На ней были двое детей. Девочка в красном пальто и мальчик постарше, с тёмными волосами и серьёзным лицом.

Вера узнала девочку.

Себя.

Но мальчика она никогда не видела.

На обороте было написано:

Вера и Костя. 14 октября 2032 года.

Вера закрыла глаза.

Воспоминание пришло не сразу. Сначала — запах мокрой шерсти. Потом — свет лампы над кухонным столом. Чьи-то шаги в коридоре. Смех мальчика, который прятал от неё деревянный поезд и обещал отдать, если она перестанет плакать.

«Ты мне не брат», — говорила маленькая Вера.

«Почему?»

«Потому что у меня нет брата».

«А если я есть?»

Она помнила, как он смеялся. Как показывал ей жетон с нулём. Как отец входил в комнату и говорил, что им пора.

Потом память оборвалась.

Вера открыла глаза.

На двери купе кто-то постучал.

Три коротких удара.

Она не ответила.

— Вера? — раздался голос Кости. — Открой. Это я.

Вера посмотрела на фотографию.

На ней мальчик был старше, чем Костя сейчас. Лет двенадцати, может, тринадцати. На правой ладони виднелись тонкие белые шрамы.

Она подошла к двери.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Ты знаешь.

— Скажи.

— Костя.

— Полностью.

За дверью стало тихо.

— Константин Андреевич Соколов.

Вера почувствовала, как у неё подкосились ноги.

Она прижала фотографию к груди.

— Кто ты мне?

Голос за дверью прозвучал едва слышно:

— Я твой брат.

Вера не открыла.

— У меня нет брата.

— Был.

— Ты умер?

Молчание затянулось.

Потом Костя ответил:

— Я не знаю.

Вера прислонилась лбом к двери.

— Почему я тебя не помню?

— Потому что отец попросил тебя забыть.

— Зачем?

— Чтобы ты вернулась.

Она закрыла глаза.

Теперь она понимала, почему отец не хотел, чтобы она искала его. Почему на платформе он сказал, что остался ради неё. Почему проводник предупреждал, что пассажир без места не должен быть опознан.

Если Костя действительно был её братом, значит, в ту ночь на линии остались не один, а двое.

И один из них всё это время ехал рядом с ней, притворяясь ребёнком, который ничего не помнит.

— Ты знал меня с самого начала? — спросила Вера.

— Не совсем.

— Что это значит?

— Я помнил твоё лицо. Но не знал, почему оно мне знакомо. Когда ты сказала, что ищешь отца, я начал вспоминать.

Вера посмотрела на жетон.

— А это?

— Отец дал его мне перед тем, как ушёл.

— Зачем?

— Сказал, что он поможет мне вернуться, если я когда-нибудь забуду, кто я.

— И ты забыл?

— Да.

Вера медленно повернула замок.

Но прежде чем открыть дверь, услышала ещё один голос — из конца коридора.

— Пассажир Соколова, немедленно отойдите от двери.

Это был проводник.

— Вы не имеете права разговаривать с пассажиром без места без разрешения администрации линии, — продолжил он. — Вернитесь на своё место.

Вера посмотрела на записку, на фотографию, на билет.

На нём появилась новая надпись:

ПАССАЖИР № 14. РОДСТВЕННАЯ СВЯЗЬ ПОДТВЕРЖДЕНА.

И ниже:

ПАССАЖИР № 13. МАРШРУТ НЕ ЗАВЕРШЁН.

Вера повернула ручку.

За дверью стоял Костя.

Только теперь он не выглядел двенадцатилетним мальчиком. Его лицо было старше, взгляд — тяжелее. На мгновение Вере показалось, что перед ней стоит отец в юности.

— Костя? — прошептала она.

Он посмотрел на неё.

— Я не помню, сколько мне лет, Вера. Но я помню, что ты держала меня за руку, когда мы вошли на платформу. Я помню, что отец велел нам ждать. И помню, что поезд забрал меня первым.

Он протянул ей руку.

— Ты можешь помочь мне вернуться.

Вера посмотрела на его ладонь. На шрамы. На жетон.

— А что будет, если я помогу?

Костя опустил глаза.

— Тогда отец сможет уйти.

— А ты?

— Я не знаю.

Вера долго молчала.

Она хотела вернуть отца. Хотела вернуть брата. Хотела понять, что произошло семнадцать лет назад и почему её память была стёрта.

Но теперь она впервые поняла, что эти желания могут противоречить друг другу.

Если отец остался на линии ради неё, его возвращение могло потребовать чужой жертвы. Если Костя был пассажиром без места, возможно, он и был тем, кого отец пытался вернуть. А если Линия не отпускала никого бесплатно, значит, за каждое возвращение приходилось платить.

Вера взяла брата за руку.

— Я помогу тебе вспомнить, — сказала она. — Но я не обещаю, что сделаю то, чего от меня хотят.

Костя впервые улыбнулся по-настоящему.

— Этого достаточно.

В конце вагона раздался звонок.

Проводник стоял у двери и держал в руках список пассажиров.

— Пассажиры, занимающие места тринадцать и четырнадцать, — объявил он, — приготовьтесь к проверке.

Костя побледнел.

Вера сжала его руку.

— Что происходит?

— Он не должен был нас найти, — прошептал Костя.

— Кто?

Но проводник уже шёл к ним.

Он остановился напротив и посмотрел сначала на Веру, потом на Костю.

— Константин Андреевич Соколов, — произнёс он. — Вы занимаете чужое место.

Костя отступил.

— Это моё место.

— Нет. Ваше место было закрыто семнадцать лет назад.

Проводник открыл список.

Вера увидела две строки:

№ 13. СОКОЛОВ КОНСТАНТИН АНДРЕЕВИЧ.

№ 14. СОКОЛОВА ВЕРА АНДРЕЕВНА.

Напротив имени Кости стоял штамп: «Возврат невозможен».

Напротив её имени — другой: «Возврат подтверждён».

Проводник поднял глаза.

— Пассажир Соколова, вам необходимо вернуться на своё место. Пассажир без места будет снят с маршрута.

— Что значит «снят»? — спросила Вера.

— Это означает, что он больше не сможет продолжать поездку.

— Куда вы его отправите?

— Туда, откуда он пришёл.

— А если он не помнит, откуда пришёл?

Проводник закрыл список.

— Тогда ему придётся остаться там навсегда.

Вера посмотрела на Костю.

Мальчик стоял неподвижно, но в его глазах был страх, которого она не видела раньше. Не страх перед проводником, не страх перед поездом. Страх человека, который вдруг понял, что может потерять единственную возможность узнать, кем он был.

Вера сделала шаг вперёд.

— Он едет со мной.

— Это невозможно.

— Тогда измените правила.

Проводник впервые за всё время посмотрел на неё не как на пассажира, а как на человека, который способен нарушить порядок.

— Правила не меняются.

— Тогда почему мой отец смог остаться на линии?

Проводник молчал.

— Почему я вернулась, а мой брат нет? Почему я не помню его? Почему он помнит меня? Почему вы называете его пассажиром без места, если у него есть номер?

Проводник медленно сложил список.

— Потому что ваш отец обменял своё место на его.

Вера перестала дышать.

— Что?

— Андрей Соколов отказался от возвращения, чтобы его сын мог продолжить маршрут.

Но переход не завершился. Ваш брат остался между станциями, а ваш отец — на линии.

— И что теперь?

Проводник посмотрел на билет Веры.

— Теперь маршрут должен быть завершён.

— Как?

— Это решает пассажир.

Он развернулся и пошёл прочь.

Вера осталась стоять в коридоре, держа Костю за руку. Она понимала, что получила первый настоящий ответ за всё время поездки. Но вместе с ним пришло новое, ещё более страшное знание: её отец не просто пропал. Он сознательно отказался от возвращения ради сына.

И теперь, чтобы вернуть обоих, Вере предстояло решить, готова ли она повторить его выбор.

За окном поезд начал набирать скорость.

На табличке следующей станции появилось название:

БЕРЕГ.

Вера посмотрела на брата.

— Мы найдём способ, — сказала она.

Костя не ответил.

Он смотрел на свои руки, словно впервые видел их.

— Вера, — произнёс он наконец. — Есть ещё кое-что.

— Что?

Он поднял глаза.

— Я вспомнил, кто открыл дверь той ночью.

Вера почувствовала, как холодеют пальцы.

— Кто?

Костя посмотрел на неё.

— Ты.

Поезд резко дёрнулся.

Свет погас.

И в темноте Вера услышала голос отца — совсем рядом, будто он стоял за её плечом:

— Не верь ему, Верочка.

Вера не закричала.

Она даже не обернулась. Голос отца прозвучал так близко, что она почувствовала на затылке холодное дыхание. Но рука Кости всё ещё находилась в её руке, и пальцы мальчика дрожали.

— Папа? — спросила она в темноту.

— Отпусти его.

Костя попытался высвободить руку.

Вера удержала его.

— Почему?

— Потому что он не тот, за кого себя выдаёт.

— Ты сам сказал мне, что он мой брат, — ответила она. — Ты сам рассказал, что произошло на станции.

— Я рассказал тебе то, что помню.

— А что ты не помнишь?

Костя молчал.

Вера наконец обернулась.

В коридоре никого не было. Только в дальнем конце, возле двери служебного помещения, горела красная лампочка. Она мигала с равными промежутками, как сигнал тревоги.

— Не слушай его, — повторил голос отца. — Ты уже однажды сделала эту ошибку.

— Какую ошибку? — спросила Вера.

— Ты поверила тому, кто обещал вернуть тебе брата.

Вера почувствовала, как Костя напрягся.

— Папа, — сказала она, стараясь говорить спокойно. — Если это действительно ты, ответь на вопрос. Что ты сказал мне перед тем, как мы вошли на платформу?

Голос замолчал.

Вера ждала.

Она помнила тот разговор лишь обрывками, но теперь ей было важно услышать ответ. Не красивую фразу, не очередное предупреждение, а конкретную деталь, которую нельзя было придумать, не зная их прошлого.

— Ты сказала, что не отпустишь меня одного, — произнёс голос.

Вера закрыла глаза.

Это была правда. По крайней мере, часть правды.

— А что ответил ты?

Тишина.

Потом голос произнёс:

— Я сказал, что вернусь.

Вера медленно открыла глаза.

Нет.

Отец не говорил, что вернётся. Он обещал вернуться, только если она отпустит его. Это была совсем другая фраза. Именно в этом заключалась разница, которую она помнила теперь слишком ясно.

— Ты не мой отец, — сказала Вера.

Красная лампочка погасла.

В темноте что-то тяжело ударилось о стену, затем послышался звук удаляющихся шагов.

Через несколько секунд освещение восстановилось.

Костя стоял рядом, опустив голову.

— Ты знала, что это не он? — спросила Вера.

— Нет.

— Тогда почему ты испугался?

Он не ответил.

Вера отпустила его руку.

— Я больше не могу продолжать так. Ты появляешься, говоришь, что ничего не помнишь, потом вдруг знаешь то, чего не должен знать. Ты говоришь, что мой брат, но не можешь объяснить, почему я тебя не помню. А когда я начинаю верить, появляется кто-то, кто утверждает обратное.

Она говорила тихо, но каждое слово давалось ей с трудом.

— Я хочу тебе помочь. Правда. Но я не могу просто выбрать ту версию, которая мне больше нравится.

Костя поднял голову.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаешь. Ты не представляешь, каково это — всю жизнь думать, что у тебя был отец, который просто исчез. Потом узнать, что у тебя, возможно, был брат. А затем понять, что ты сама могла быть причиной того, что с ними произошло.

— Ты не была причиной.

— Откуда ты знаешь?

Костя посмотрел на неё.

— Потому что я помню, как отец держал тебя на руках, когда ты родилась. Он боялся даже передать тебя маме. Всё время проверял, дышишь ли ты. Потом, когда ты подросла, он говорил, что ты должна научиться уходить оттуда, где тебе плохо, даже если очень хочется остаться.

Вера ничего не ответила.

Она не знала этого. Или знала когда-то и забыла.

— Он не хотел, чтобы ты отвечала за нас, — продолжил Костя. — Он хотел, чтобы ты жила.

— А ты?

— А я хотел, чтобы ты меня помнила.

Вера посмотрела на него.

В этих словах не было ни обвинения, ни просьбы. Только усталость человека, который слишком долго оставался без имени.

Она вдруг поняла, что всё это время пыталась получить от Кости доказательства того, что он её брат, но ни разу не спросила, чего хочет он сам.

— Ты хочешь вернуться? — спросила она.

Костя задумался.

— Да.

— Домой?

— Я не помню, как выглядит наш дом.

— Тогда куда?

Он посмотрел в окно.

— Туда, где время идёт.

Вера кивнула.

— Хорошо. Значит, будем искать способ вернуть тебя.

— А отец?

Она не ответила сразу.

— Его тоже.

Костя покачал головой.

— Ты не можешь вернуть всех.

— Почему?

— Потому что кто-то должен остаться.

Вера вспомнила слова проводника.

Ваш отец обменял своё место на его.

Она подумала о матери, которая ждала семнадцать лет. О Косте, которого не помнила. Об отце, который сознательно отказался от возвращения. И о себе, которая, возможно, однажды уже стояла перед таким же выбором.

— Тогда я найду другой способ, — сказала она.

Костя посмотрел на неё с недоверием.

— Ты всё ещё думаешь, что можно обойтись без потерь?

— Нет. Я думаю, что не все потери окончательны.

Поезд замедлился.

За окном появилась полоса света. Сначала Вера решила, что это рассвет, но затем увидела тёмную линию горизонта и белые здания, стоявшие на берегу. Море здесь было совсем близко. Волны ударялись о бетонную набережную, поднимая брызги, которые долетали до рельсов.

На платформе стоял человек в рабочей куртке.

Вера узнала его по осанке ещё до того, как поезд остановился.

Отец.

Он держал в руках старый железнодорожный фонарь. Тот самый, который когда-то принёс домой и поставил на подоконник.

Вера бросилась к двери.

Костя схватил её за запястье.

— Подожди.

— Отпусти.

— Это может быть не он.

— Я знаю.

— Тогда почему ты идёшь?

Вера посмотрела на него.

— Потому что теперь я не собираюсь принимать решение за него. Я хочу услышать, что он скажет сам.

Она высвободила руку и вышла в коридор.

Поезд остановился.

На этот раз двери открылись без объявления.

Вера ступила на платформу.

Отец стоял у самого края, глядя на море. Фонарь в его руках не горел, но стекло отражало серое небо.

Он повернулся, когда услышал её шаги.

— Ты всё-таки добралась, — сказал он.

Вера остановилась в нескольких метрах от него.

— Ты знал, что я приеду?

— Надеялся.

— Ты знаешь, что Костя едет со мной?

Отец посмотрел на поезд.

— Да.

— Он мой брат?

— Да.

Вера ждала продолжения, но отец молчал.

— Почему я его не помню?

— Потому что ты сама попросила меня сделать так, чтобы ты забыла.

Она нахмурилась.

— Я была ребёнком.

— Да.

— Десятилетним ребёнком. Я не могла понимать, о чём прошу.

— Ты понимала достаточно, чтобы бояться.

Вера почувствовала, как внутри поднимается гнев.

— Ты не имел права забирать у меня память.

Отец не стал спорить.

— Не имел.

— Но всё равно сделал это.

— Да.

— Почему?

Он посмотрел на море.

— Потому что я испугался.

Вера не ожидала такого ответа.

— Чего?

— Что потеряю тебя тоже.

Она молчала.

Отец провёл ладонью по лицу.

— В ту ночь я думал, что смогу провести вас обоих через переход. Я знал, что линия опасна, но считал, что понимаю её правила. Я ошибся. Костя оказался по ту сторону, а ты вернулась. Я мог пойти за ним, но тогда переход закрылся бы окончательно. И ты осталась бы здесь, на линии, навсегда.

— Поэтому ты остался вместо него.

— Да.

— И стёр мне память.

— Да.

Вера сжала руки в кулаки.

— Ты решил за всех нас.

Отец опустил голову.

— Да.

На этот раз она не смогла сдержаться.

— Ты хоть понимаешь, что сделал? Мама ждала тебя семнадцать лет! Я всю жизнь думала, что ты просто ушёл! А Костя... — Она запнулась. — Я даже не знала, что у меня был брат.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь! Ты не был дома. Ты не видел, как мама каждый год доставала твою фотографию в день исчезновения. Как она сидела на кухне до утра, потому что боялась лечь спать. Как я однажды нашла её письмо тебе и прочитала, хотя она просила не трогать её вещи.

Отец смотрел на неё, не перебивая.

— В письме она написала, что больше не ждёт тебя. Что если ты жив, то должен знать: она не простит тебя за то, что ты оставил нас. А потом всё равно написала адрес. Наш адрес. На случай, если ты когда-нибудь вернёшься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.